

О Нильсе Боре, «трепах» биологов с физиками на европейских курортах и звериной серьезности в науке

<https://oralhistory.ru/talks/orh-492-493>

11 августа 1975

Собеседник

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович

Ведущие

Дувакин Виктор Дмитриевич, Радзишевская Марина Васильевна

Дата записи

Беседа записана 11 августа 1975 и опубликована 29 августа 2017.

Введение

В седьмой беседе Николай Тимофеев-Ресовский сравнивает «замечательно bestолковое» советское хозяйствование и «скучный» немецкий порядок. Говорит о продолжении в Германии трех направлений исследований, начатых в России, о поддержке Рокфеллеровского фонда и легендарных коллоквиумах ученых различных специальностей. С особой теплотой вспоминает рассказчик дружбу с великим физиком Нильсом Бором.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Просим продолжать.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Ну, ладно. Так вот сегодня надо будет начать о загранице, потому что то, что я в прошлый раз про за границу рассказывал, это то, как мы приехали, что вначале было, а о науках и о настоящих людях разговора еще не было. Вот. Поэтому надо сообразить, с чего начать. Значит, начать нужно вот с чего, конечно. Я за границей продолжал, конечно, в основном то, что было в Москве уже начато. Основные направления своей работы менять особенно не следует, а нужно, так сказать, действовать так, как действуете. Я уже говорил, что в Москве еще я для себя наметил три основных направления работ. Во-первых, мутационный процесс на дрозофиле. Во-вторых... *(видя, что Радзишевская производит какие-то манипуляции с магнитофоном, спрашивает)* это действует?

Марина Васильевна Радзишевская: Да, да, пожалуйста. Не обращайте внимания на меня.

Н.Т.-Р.: Ага, значит, вы ковыряетесь зазря только?

М.Р.: Нет, я делаю лучше, а то он немного барахлит.

Н.Т.-Р. *(с издевочкой):* Ах, ежели лучше...

М.Р.: Наденушь.

Н.Т.-Р.: Здорово. Так вот. Первое направление — это мутационный процесс. Второе направление, которое тоже в Москве было начато, феногенетика, то есть изучение фенотипического проявления отдельных мутаций под влиянием отбора, других генов-модификаторов, различных условий внешней среды и так далее. И третье направление, так сказать, эволюционно-генетическое — попытки соединить новую науку экспериментальную генетику с классическим эволюционным учением Дарвина. Вот эти три направления я продолжил и за границей.

Замечательное советское хозяйствование!

За границей, как я уже говорил, лаборатория у меня началась с очень маленькой лаборатории, несколько человек всего было (это и было хорошо) в старом берлинском помещении института. Там было три комнатки, значит, да еще в одну телефон все-таки поставили мне. Я туда уже не заходил больше, потому что я противник телефонов вообще был, да и сейчас противник. Вот.

А тут в Бухе в новом помещении, помещения было много, у нас стало просторно очень. Была выстроена специальная оранжерея для научно-экспериментальных целей, две даже оранжереи, такая двойная оранжерея, вернее. Было достаточное количество лабораторных комнат, достаточное количество микроскопов и луп, и вообще нужного оборудования, и начали появляться все новые и новые сотрудники. Во-первых, мне штат увеличили, то есть денег на лабораторию больше стали давать Kaiser Wilhelm Gesellschaft. Надо сказать, что за границей-то удобно, конечно. У нас одно дело — на жалованьишко сотрудникам, это одна статья, а другая статья на оборудование, аппараты и инструменты и всякая такая штука, а третья на командировки, а четвертая еще на что-то. Всех этих забот, как оплатить какой-нибудь уборщице сверхурочную работу из статьи по карандашам, придумывать не надо было.

В.Д.: Просто давали деньги?

Н.Т.-Р.: Ну да. Получал я деньги, которыми и распоряжался. Конечно, за границей не полагается... так как у нас очень боятся (считают, что все мы жулики), поэтому боятся, что украдут, поэтому семь подписей нужно на каждое дерьмо: что на электронный микроскоп, что на фунт гвоздей — все равно те же семь подписей нужно. А при семи подписях вообще неизвестно, на ком это висит, электронный микроскоп или гвозди *(смеется)*. И таким образом красть чрезвычайно просто.

” У нас проще всего раскрасть имущество казенное. Употребить в дело труднее много, потому что, во-первых, часто дела не бывает никакого, а имущество есть, ну, во-вторых, для того, чтобы на дело употребить, нужно работать, а у нас преимущественно не работают. Так что у нас свои сложности.

А там сложностей, в сущности, никаких нет. *(Обращается к Радзишевской)* Вы приостанавливали там контрреволюцию-то? Что?

В.Д.: Да ладно, говорите.

Н.Т.-Р.: Так вот. Там я получал в год определенное количество денег, которые в бухгалтерии Kaiser Wilhelm Gesellschaft, так сказать, на высшем уровне, как-то выдавались на штатное расписание, на жалованьишко людям, на всякое оборудование и так далее. Но можно было... без всяких формальностей я мог собственной властью тратить деньги. Вместо того, чтобы на сотрудников, там, скажем... не брать сотрудников лишних, мог даже уволить ненужных сотрудников. Там, кстати, увольнять ненужных людей было очень просто, а нужных людей — непросто. У нас наоборот: нужных людей выгнать очень просто, а вот пьяниц и бездельников, поди их, выгони. Никаким каким.

Так вот, и можно было эти деньги употребить на какое-нибудь дорогое оборудование, можно было хозяйствовать: и экономить, и рассуждать, как лучше деньги истратить. У нас это невозможно, потому что нужно деньги отрывать, а потом их как-то тратить побыстрее, чтобы, спаси Бог... потому что у нас деньги же не переживают первое января, так же, как и штатные единицы. Поэтому по всему Советскому Союзу конец октября, весь ноябрь и декабрь (во всех учреждениях Советского Союза, а Советский Союз только из учреждений и состоит) происходит разбазаривание казенных денег. Теоретические физики покупают себе мебель рококо, скажем, только бы по безналичному расчету. Мы в свое время на Урале

покупали подвесные моторы для лодок — кататься по озеру Миассовскому и так далее. Только бы по безналичному расчету. По наличному расчету у нас ничего нельзя купить, на двадцать пять целковых только можно, а по безналичному... А по безналичному можно тратить на что угодно, только отхватить бы. А так как у нас жизнь разумно устроена: то есть по безналичному расчету (так как покупать можно) ничего нет нужного (*смеется*), по безналичному расчету продается только ненужное, то хозяйствовать очень трудно. Но можно, однако. Плохо — но можно! Завести лаборантку, которая есть не что иное, как супруга председателя колхоза ближнего. И тогда все идет, как по маслу, потому что колхоз может покупать по наличному расчету все, что угодно. Например, в магазинах московских, калужских медицинского оборудования есть микроскопы, бинокулярные лупы, зоотомический инструмент — все, что угодно, только все по наличному расчету. Мы не можем купить. А колхоз может. Ему, конечно, все это без надобности, но он купить это может.

Теперь, колхоз есть хоть и колхоз, но все-таки советское учреждение, и колхоз может нам по безналичному расчету перепродать. Значит, председатель колхоза может в медицинском оборудовании купить ненужный себе микроскоп и совершенно честно, потому что и лаборантка честная, и супруг не вор, совершенно честно, по той же цене, значит, перепродает нам, но уже по безналичному расчету. Мы получаем микроскоп и счет, а по счету институтская бухгалтерия переводит колхозу. Вот. Значит, путь, казалось бы, сложный: приобретать бинокулярные микроскопы с иммерсией в колхозе, но, (*смеется*) так сказать, приходится.

В.Д.: Ну, это уж вы когда приехали, потом?

Н.Т.-Р.: Я тут этим занимался, конечно. А там все это без надобности, потому что там я мог на деньги, которые вообще-то предназначены, скажем, на научных лаборанток, мог купить микроскоп или наоборот, на микроскопические деньги нанять лаборантку, коли нужда в том была. Одним словом, мог управляться, как хотел. Это, конечно, очень и очень удобно.

Я со своим физиком, мы, не требуя ни гроша лишних денег, из своего бюджета за два года сэкономили нужную сумму на приобретение первого, для биологических целей в мире служившего, нейтронного генератора, уже в самом конце 30-х годов.

В.Д.: То есть крупную сумму.

Н.Т.-Р.: Крупную сумму: шестьдесят тысяч марок. Потому что куда они не девались. Ведь наше отечество опять-таки уникальное в своем роде. Это единственная страна не только в Европе, а и во всем мире, где нельзя экономить. Нам же все время говорят: «Экономьте государственные средства!» А куда их экономить? Их нельзя экономить, потому что (*смеется*) не истратишь — отберут. И это еще полбеды. Но на следующий год меньше дадут, кроме всего прочего! Так что прямо хана — и все. Вот.

А там всего этого нету. У моего отдела был банковский счет, на котором лежали все эти деньги, так сказать мои, то есть не мои, а на мой отдел. И ежели я что-нибудь сэкономил — очень хорошо, значит, у меня на следующий год было больше денег...

В.Д.: А не меньше.

Н.Т.-Р.: ...а не меньше. Так вот, при этих легких условиях, которые, однако, сколь ни странно, во всем мире считаются не каким-нибудь достижением, а совершенно нормальным состоянием вещей. Достижением считается наше положение, это выдумали, значит, мы такую сложность. А естественно так идет все. Так вот, при этих условиях, конечно, очень просто было научным учреждениям хозяйствовать.

Ведь наша эта система, замечательная по сложности и, я бы сказал, по своего рода бухгалтерской красоте, так сказать, она ведь еще имеет нехорошую сторону: она развращает людей служащих, и чем выше рангом, тем хуже развращается советский чиновник.

Ну, чиновники... все советские люди — чиновники, потому что они все на казенных харчах, так сказать, состоят. Но тот, кто за что-то отвечает, должен ловчить, мудрить, глядеть, как бы что обойти. И получается чрезвычайно любопытная вещь. Все советские учреждения, в особенности научные, все время скулят: «Ах, хорошо буржуям, у них оборудование в институтах превосходное, у них денег на оборудование много. У нас лаборатории нищие». Врут!

Все наши лаборатории, все наши институты забарахлены по первое число. Барахолка, а не лаборатория. Почти все лаборатории во всех наших вузах и научно-исследовательских институтах завалены барахлом, никому не нужным, потому что покупается, вот особенно в октябре, ноябре и декабре, все, что можно. Не то, что нужно, а что можно купить. Поэтому забарахленность наших научных учреждений совершенно фантастическая, особенно столичных, московских. Теперешняя моя эта «косметическая» контора, в которой я имею честь состоять — это, так сказать, на грани фантастики совершенной.

Когда-то, пятнадцать лет тому назад, люди, руководящие в этой самой конторе, решили построить наземный лабораторный комплекс, чтобы на Земле, на нашей планете проводить модельные эксперименты к тому, что должно происходить в космосе. В космос тогда еще, кажется, и Гагарин не летал, и вообще только разговоры были одни. И построили. На участке, на Хорошевском шоссе, где мы работаем, из моего окна видно это замечательно, стоит замечательное здание: сплошное стекло, железобетон и прочее. До сих пор ломают голову... не совсем, но, можно сказать, почти закончено уже строительство.

В.Д.: А, еще только, да?

Н.Т.-Р.: Еще только. То есть вчерне оно давно уже закончено. И стоит, и стоит, и стоит. Обошлось оно пока только в двадцать шесть миллионов рублей. Миллионов рублей! Пока в нем еще ни гвоздя ни научно, ни технически, ни в каком смысле не сделано. Туда никого не пускают. Это на наши пропуска нужно какую-то особую птичку, чтобы в этот самый стеклянный

дом войти. Ну, можно и без птички, но тогда нужно с заднего входа. Так вот.

Сейчас возникает ужасная проблема: все самое высшее начальство этой «косметической» конторы нашей требует, что, вот, угробили двадцать шесть лимонов — и что, выход-то какой? А угроблены они так талантливо, что там делать разумного ничего нельзя, в этом здании. Его нужно либо сломать и новое здание построить, либо затратить еще двадцать пять миллионов на переоборудование этого дурацкого здания, что много дороже, чем строить заново. Вот. И сейчас уже третий год самая такая трагическая проблема, которая висит над институтом нашим, это что делать с этими покойными двадцатью шестью миллионами.

В.Д.: Институт собственно какого министерства или какого?..

Н.Т.-Р.: Министерства здравоохранения, подчинен Министерству здравоохранения, третьему управлению. Это я вам рассказываю про свою контору «косметическую».

В.Д.: Я понимаю. А она действительно косметическая? Я думал, что это ваше...

Н.Т.-Р.: Мы ее называем «косметическая».

М.Р.: Космическая.

Н.Т.-Р.: Но там космической проблематикой занимаются...

В.Д.: А почему здравоохранения? А! Биокосмос, так?

Н.Т.-Р.: Официальное название Институт медико-биологических проблем.

В.Д.: А, понятно.

Н.Т.-Р.: Совершенно секретное название, чтобы никому не было известно, чем там занимаются. Но можно было что угодно написать, потому что там все равно ничем не занимаются (*смеется*), так что и засекречивать нечего. Вот. Ужас! Вы не представляете себе, вообще, что делается у вас в Москве. Это черт знает что! Институт физики Академии наук. Мне, просто по долгу службы, несколько месяцев тому назад в руки попало штатное расписание, я в какой-то комиссии участвовал, нужно было ознакомиться: семь тысяч восьмьсот единиц! Вы представляете себе?!

В.Д.: Да-а-а!

Н.Т.-Р.: В Семеновском институте четыре с половиной тысячи единиц. Вот в таком же духе в Москве в нашем сейчас к трем тысячам подкатывает, в нашей «косметической» конторе. Есть новая, новее нашей, контора, в которой совершенно неизвестно, что делать. Никто не знает. Называется Институт биотехники. Вообще идея была разводить на нефти дрожжи для прокормления голодающих индусов, которые за эти дрожжи будут рупии платить. Вот. Белковое питание... ведь в тропиках, действительно, в среднем процентов тридцать населения вымирает от белкового голодания, в самой роскошной тропической природе. И можно на отходах нефтяной промышленности разводить дрожжи кое-какие, а они — белки, и можно самим есть. Скоро, может, и нас переведут на дрожжи, коли так дальше пойдет. А пока что, значит, вот мы, французы, англичане и еще кто-то — есть такие боголюбивые люди, которые заботятся о голодающих индусах и разводят это. Так в этой конторе, только недавно основанной, кажется, три-четыре года тому назад, уже перекачилось за две тысячи совершенных паразитов, понимаете ли? Это ужас, ужас, ужас, ужас, ужас!

М.Р.: Вернемся в Германию.

Скучный германский порядок

Н.Т.-Р.: Вернемся в Германию. Так вот, там всего этого не было, к счастью. Был очень скучный, простой, скучный порядок: начальство давало деньги, их надо было тратить разумно, потому что те, кто тратил неразумно, выгонялись со службы. Так? Значит те, кто хозяйствовали научно, те были люди разумные и разумно тратили деньги, которые получали.

В.Д.: То есть научные руководители распоряжались деньгами?

Н.Т.-Р.: Ну конечно.

В.Д.: У нас ведь это разделено.

Н.Т.-Р.: Да-да-да. Деньгами распоряжаются не научные руководители, а другие чиновники. Вот. И я, следовательно, наметил продолжение и расширение работ по тем же трем основным темами. (*Обращается к Радзишевской, которая пытается остановить его руку.*) Это мне не мешает.

М.Р.: Просто заглушает ваш... если очень сильно...

В.Д.: А вы входите в раж и... (*стучит по столу*)

Н.Т.-Р.: Нет, с такой силой, как вы пробуете стучать, я не стучаю. Я могу много сильнее (*усмеваются*). Так вот. При этом я не только в смысле основной тематики научной постарался, значит, в Kaiser Wilhelm Institut 'е работу наладить на тот манер, на который я налаживал свою работу в Москве, но и теоретически. У нас в Москве, я рассказывал в прошлые разы, был замечательный Дрозсоор, коллоквиум, где мы трепались на всякие научные темы, кое-что новенькое при этом рождалось. Вот там зародилась в нашем четвериковском этом кружке, Дрозсооре, идея нового... создания нового направления в эволюционном учении, то есть воссоединения генетики современной уже с классическим дарвинизмом. Вот это же все я решил и тут возобновить.

Затеял тоже такой лабораторный семинар или треп. Собирались мы, обыкновенно, значит, у меня дома, чтобы меньше

формальности было. Иногда и в лаборатории в вечернее время, после работы, когда всякая посторонняя публика, уборщицы да лаборантки уходили, мы собирались в лаборатории или у меня дома и обсуждали ту тематику и проблематику, которую собирались развивать. Так как мои сотрудники заграничные, новые для меня люди, были генетически почти совсем еще невинны, в смысле вот тех новых направлений, которые мы начали начинать в Москве, были, конечно, совершенно еще не осведомлены, пришлось их приучать к этой нашей новой проблематике: заставлять читать, заставлять делать доклады, заставлять размышлять. И таким образом подобралась у меня очень симпатичная и талантливая компания.

В конце концов, за время моего пребывания за границей лаборатория (сколько мы насчитали в прошлый раз, пять человек, что ли, четыре научных, нет, шесть человек: четыре научных и две лаборантки) превратилась так, по заграничным понятиям, в огромный отдел около восьмидесяти человек. Вот. С несколькими такими группами и лабораториями. Так вот. Мне кажется, что основным в развитии заграничной моей лаборатории явился этот самый семинар, или треп, продолжение нашего московского Дрозсоора.

В.Д.: То есть ваша заграничная работа была прямым продолжением...

Н.Т.-Р.: Прямым продолжением московской работы Кольцовского института. Так и следует, конечно. Чего фокусы-то там. Когда я уезжал, я был взрослый человек, в общем, мне было двадцать шесть лет, чего там. Ежели человек до двадцати шести лет ничего хорошего не придумал, так он и дальше-то не придумает ничего особенного. Вот.

Не факт, а истинное происшествие!

И тут вот что только явилось новое, ежели хотите, принципиально новое: возможность очень широкой кооперации. Надо сказать, уже к концу 20-х годов у нас научные работы и организация науки стали тут очень быстро портиться вот в каком отношении: началась суперспециализация, сверху появились какие-то философские якобы теории, отменили понятие чистых и прикладных наук. Оказывается, нет таких чистых наук, все науки грязные, так и должны быть грязными. С другой стороны, началась специализация...

В.Д.: Дробление учебных заведений?

Н.Т.-Р.: Не только. Сейчас многие люди, сейчас ведь это вспять уже пошло, после второй-то войны. А ведь многие теперешние люди младшего, чем мы, поколения, забыли, что, например, в городе Воронеже (что я случайно знаю) существовало высшее учебное заведение — Институт кролиководства (*усмехается*).

” Это не «Сатирикон» и не «Крокодил». Как говорится, не факт, а истинное происшествие! Был, существовал Институт кролиководства, где учились две или (сколько там положено) три тысячи студентов разводить кроликов. Он, правда, был прикрыт, и с «посаже», еще накануне Второй мировой войны, потому что приключилось то, что и должно было приключиться.

Там какие-то субъекты хозяйствовали, обучали, не понимая ничего в кролиководстве сами, обучали разводить кроликов совсем уже серых каких-то мужичков и бабелей, и в результате... И люди иногда, особенно в Средние века, вымирали от эпидемий, а бессловесные скоты, ежели они живут в скверных условиях и под руководством людей, которые ничего не понимают в животноводстве, склонны с еще большей легкостью вымирать, но только уж не от эпидемий (это по Марксу и Энгельсу свойственно людям), а от эпизоотий. У бессловесных скотов эпидемии эпизоотиями называются. Так вот, на этих кроликов Института кролиководства напала какая-то очередная эпизоотия, кроликов там вымерло аж на двести тысяч рублей, и всех этих игнорантов кроличьих посадили за что-то, вместо того, чтоб посадить тех болванов и преступников, которые выдумали всю эту затею. Значит, этих невинных идиотиков, значит, посадили, и на этом Институт кролиководства кончил свое существование. Но он успел выпустить два выпуска ученых- кролиководов. Чем они потом занимались, пес их знает. Ну, какой-нибудь бухгалтерией, попали в совхозы, колхозы, писали бумажки и так далее. Вот. Так же, как и бесчисленные инженера.

В.Д.: В основном в 29-м году, как Бубнов пришел, стали рубить все институты и все вузы дробить, дробить, дробить.

Н.Т.-Р.: Особенно с начала 30-х годов. 29-й год — это был переходный.

В.Д. (*смеясь*): Год великого перелома.

Н.Т.-Р.: Началась совершенная вакханалия в области техники в узком смысле. Всякие вузы начали появляться: и слаботочные, и сильноточные и черт-те какие. Чуть ли не вуз или какой-то факультет в каком-то вузе был основан по предвакуумным насосам (*усмехается*), то есть не просто вакуумным насосам, а предвакуумным насосам, то есть подшипники в вакуумные насосы. Целый факультет. Вот такие всякие фокусы.

В.Д.: И в это время появился и в области биологии, так сказать, <нрзб> впервые Лысенко?

Н.Т.-Р.: Да-да-да-да. Ну, <нрзб> в то время некоторое количество людей. Вот. Все это было очень печально здесь. И всего этого не было там. Поэтому, когда меня иногда хвалят за то, что я там вот за 30-е годы много наработал всяких вещей, то хвалить меня не за что. Я из условий, где нужно было придумывать, как обыкновенно прожить и как обыкновенно работать, попал в условия, где обыкновенно жить и обыкновенно работать — это и была норма, так сказать, не нужно было придумывать. Поэтому нашему брату там было очень вольготно.

Ну, туземцы, конечно, у них были время от времени заботы, они стонали, потому что они другой жизни — то не знали, не знали, что человек — не свинья и все может вынести. Так все они не выносили и поэтому, значит, иногда тоже были недовольны жизнью. Ну, а мы посмеивались: «Ишь ты, сукины дети, набаловались как».

В.Д.: Ну, а все-таки... значит, пришел 32-й год. Как на вашей этой вольготной жизни он отразился?

Н.Т.-Р.: 32-й?

В.Д.: 32-й, 33-й, 34-й. Гитлеровский переворот.

Н.Т.-Р.: А-а! Ну, господи, это в те времена еще было не особенно заметно. Я-то занимался науками, а не политикой. Я вот забыл упомянуть...

В.Д.: Но чистки-то у вас начались?

Н.Т.-Р.: Никаких чисток.

В.Д.: Чистки ведь...

Н.Т.-Р. (раздраженно): Ну, чистки там — евреев выгнали со службы казенной.

В.Д.: А из вашего института не выгоняли?

Н.Т.-Р.: Не выгоняли. Kaiser Wilhelm Gesellschaft формально было общество частное, а не казенное учреждение.

В.Д.: Ага!

Н.Т.-Р.: В чисто научно-исследовательских институтах... Kaiser Wilhelm Institut 'ов было в Германии к тому времени уже тридцать шесть штук. Они были не тронуты. Лиза Майтнер, прекрасный физик, но еврейка, уехала в Норвегию накануне войны второй, в 38-м году, по-моему.

В.Д.: А Эйнштейн когда?

Н.Т.-Р.: Какой?..

В.Д.: Эйнштейн! Эйнштейн.

Н.Т.-Р.: Эйнштейн раньше. Но Эйнштейн по собственному почину уехал в Америку. Вот. Из университетов евреев выгоняли, потому что университет казенный, они были казенными чиновниками. Но это я вам потом расскажу, как мы нескольких очень хороших еврейских ученых спасли такими наивными способами, которые тут бы не сработали, конечно, а у наивных немцев срабатывали. Так вот. Возвращаюсь теперь к наукам после лирических отступлений.

Я рассказывал в прошлый раз, как я заказывал оранжереи эти исследовательские, и как это было просто. Мы сами удивились с Лелькой. Ну, действительно, у нас это непредставимая вещь. Значит, с момента, когда я решил построить в Бухе двойную оранжерею для исследовательских целей, довольно новую, и всякая такая штука, и не просто оранжерею. Четверть этой оранжереи была устроена в виде политермостата, восемь камер на разные температуры и так далее. Так вот, от момента, когда я задумал все это сделать, до того, как мы въехали с жуками и мухами в эти оранжереи, прошло... я подсчитывал... что-то меньше трех месяцев, по-моему.

М.Р.: За месяц они сделали, неделю вы обсуждали... Вы подсчитывали.

Н.Т.-Р.: Да-да-да, меньше трех месяцев. И это то, на что у меня в атомной системе, в Сунгуле, на очень упрощенный, паршивенький такой, уездный вариант таких оранжерей при наличии двух стройбатов специальных и неограниченного количества миллионов рублей ушло все-таки почти полтора года. Уже готовенькие я им дал чертежи и все такое. Вот.

Rockefeller Foundation

Значит, мы организовали работу таким образом. Спешить нам некуда было, гнать нас никто не гнал, планов перевыполнять не надо было, потому что их вообще не было.

Планы... это в нашем плановом отечестве планы существуют на всякое дерьмо. А там люди просто работали то, что нужно было работать, и всё. Я выучился писать планы, и отчеты особенно, уже тут, в атомной системе. Там никогда я никаких отчетов не писал, никаких планов не писал. Ничего такого не было.

Хотя я потом получал деньги от Rockefeller Foundation, и все... Чтобы не забыть потом, сейчас минутку займу времени, расскажу вам в качестве примера, как Рокфеллеры — Rockefeller Foundation — деньги на научные исследования выдавали.

В Париже сидели три рокфеллеровских представителя: физик Тинбель, крупнейший физик, затем биолог и генетик Хэмсон, тоже крупный экспериментальный генетик, и какой-то химик. Я забыл его фамилию, потому что с ним я никогда ничего не имел, никаких дел. Так дело происходило так. В один прекрасный день звонит из Берлина мне по телефону Хэмсон, что вот

они с Тинбелем, с физиком, хотят ко мне заехать. Я говорю: «Заезжайте. У вас, говорю, что, свой автомобиль? — Да, конечно, мы на машине приедем. — Ну, валите, приезжайте!»

Приехали два дяденьки, значит, европейские представители Rockefeller Foundation знаменитого. С Хэмсоном я был знаком, с Тинбелем не был знаком. Ну, я им показал свою скромную лабораторию, все, что там было интересного, похвастался этой оранжереей. Они поохали, поохали. Действительно, оранжерея была такая исключительная в своем роде, по тогдашним временам, пожалуй, я бы сказал, единственная в своем роде для таких экспериментальных целей. Вот. К этому времени мы сами в институте при маленькой мастерской соорудили кроме того политермостат замечательный, в котором было восемь, по-моему, камер от +5 ° до +40 °. Восемь или десять? Пять, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать, тридцать пять, сорок. Нет, восемь, восемь камер. Причем, регулировалась не только температура, но и влажность относительная.

И все это мы сами сделали. Очень все просто. Но опять-таки тут это невозможно. Невозможно. Просто не купишь ничего. А регуляторы влажности мы сделали очень просто. По полторы марки можно было купить обыкновенные волосные гигрографы, не гигрографы, а гигрометры — измерители. Стрелочки влево или вправо там ездят. Вправо, значит очень влажный воздух, влево — очень сухой воздух, а сзади там волоски такие. Стоила штука полторы марки. Мы десяток таких купили, разбили им стекла, так сказать, сломали их, и из них сделали терморегуляторы очень остроумным, простеньким способом. Все это гроши стоило.

В.Д.: Немножечко громче.

Н.Т.-Р.: Но у нас невозможно же купить десять гигрометров, да еще сломать. Посаже произойдет. Вот.

В.Д.: Николай Владимирович, а в это время... вы сейчас рассказываете время примерно начало 30-х годов, так?

Н.Т.-Р.: Да, конец 20-х — начало 30-х.

В.Д.: Вы еще продолжали сохранять связь с СССР, то есть на каких вы началах?

Н.Т.-Р.: Переписывался я...

В.Д.: На каких же началах? Паспортов тогда не было.

Н.Т.-Р.: То есть как, паспортов не было? Были паспорта у меня, заграничные паспорта у нас были, обыкновенные советские паспорта.

В.Д.: И они у вас были до тридцать там какого-то года?

Н.Т.-Р.: До войны.

В.Д.: До войны даже?

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: И вы продолжали жить уже в гитлеровской Германии с советскими паспортами?

Н.Т.-Р.: Ну, конечно.

В.Д.: И никто вас...

Н.Т.-Р.: Я рассказывал в прошлый раз, кажется, что когда гитлеровские... нет! это во время войны. Гитлера мы не заметили, нас как это касается? Мы же не немцы были, так чего нам? Гитлер — так Гитлер, Гинденбург — так Гинденбург, Вильгельм II — Вильгельм II. Все немцы, а нам-то что?

В.Д.: И они не вмешивались совсем?

Н.Т.-Р.: Не вмешивались. Нет, ну, кроме того...

В.Д.: А ваше учреждение было учреждением частным?

Н.Т.-Р.: Считалось частным. Это Kaiser Wilhelm Gesellschaft zur Forderung der Wissenschaften. Кроме того, Kaiser Wilhelm Gesellschaft — это богатейшее учреждение, наполовину, конечно, казенное, правительство платило половину.

В.Д.: Но от нас, отсюда, вы ничего не получали?

Н.Т.-Р.: Ничего никогда.

В.Д.: Ни денег, ни указаний?

Н.Т.-Р. (возмущенно): Как мог я какие бы то ни было указания получать? Ну, простите, пожалуйста! Я состоял у немцев на службе научной.

М.Р. (Дувакину): Его немцы пригласили. Он это все рассказывал в прошлый раз.

В.Д.: Ну, я просто, так сказать...

Н.Т.-Р.: Так что я хотел сказать?

М.Р.: Вы рассказывали, как двое представителей от Рокфеллера приехали к вам, и на этом вы остановились.

Н.Т.-Р.: Да-да-да-да. Так вот. Приехали они и говорят мне... Ну, поболтали мы, позавтракали у нас там дома, а потом они и говорят: «Знаете, зачем мы приехали? Вам, наверное, деньги нужны?» Я говорю: «Ну, так деньги у меня есть в бюджете.

Хватает, так сказать, денег». Они говорят: «Все ученые всегда требуют денег, всем всегда нужны деньги». Я говорю: «Ну, пригодятся, ежели... А что, у вас много денег свободных?» (*Смеется.*) Они говорят: «Есть, на то мы и Рокфеллеровский фонд. Мы вам можем, ну, пару тыщенок долларов за что-нибудь уплатить». Я говорю: «Только за что? — Ну, вот это надо будет подумать. Знаете что, вот нам особенно нравятся ваши эти в оранжереях жучьи работы по экспериментальной эволюции, так сказать. Ведь это в сущности экспериментальное изучение эволюции вида». Я говорю: «Да, так это и задумано было нами еще в Москве. — Так ведь это совершенно новая штука. Мы так и устроим. На совершенно новое проблемное экспериментальное изучение эволюции мы вам подкинем. Ну, сколько?» Я говорю: «Сколько <нрзб> подкинете... потому что вам-то, наверное, полезнее, чем мне, потому что я без ваших долларов великолепно обойдусь. А установка у меня, вообще, такая: чем меньше денег, тем лучше, потому что чем больше денег, тем больше ответственности. Так? А для человека что самое скверное? Ответственность (*усмехается*), отвечать перед кем-то за что-то. Это всегда неприятно. А ежели денег я, скажем, не получаю от вас, так мне на вас плевать с высокой башни: я перед вами не отвечаю. А ежели я от вас деньги буду получать, я в каком-то смысле за что-то перед вами буду отвечать, должен буду, значит, стараться какие-то угодные вам науки разводить». Они говорят: «Нет, это вовсе не так. Rockefeller Foundation вовсе не такая. Там всякие учреждения, университеты, министерства, они платят деньги и потом за это что-то...»

В.Д.: Это такой поощрительный фонд, да?

Н.Т.-Р.: Да, да, да, да.

«У нас деньги для поддержания развития наук. Вот вашу эту экспериментальную эволюцию мы хотим поддержать и по возможности развить. Раз у вас такое редкостное умонастроение, что вы против денег вообще, то не берите много. Ну, возьмите тысячи три-четыре в год. Это пригодится всегда.

Вдруг понадобится лишних парочку дорогих каких-нибудь цейсовских ультрафиолетовых микроскопов или какая-нибудь такая дурь понадобится. Или появится какой-нибудь симпатичный и умственный молодой человек, значит, кончил университет, а у вас как раз нету денег на нового человека, вот можете ему заплатить. Ведь мы же деньги даем, а на что их тратить — это ваше собачье дело. Хотите, берите себе ассистентов, хотите, микроскоп покупайте, что хотите». Я говорю: «Ну, ладно. Что для этого надо? — А ничего не надо. Мы (вытащил какую-то книжицу с квиточками такими) квиточек вам выдадим, а дубликат, значит, у нас останется. На квиточке и мы распишемся, и вы распишетесь. (А это было что-то в начале зимы там, в начале декабря или...) Вот хорошо, начнем с 1-го января, с 1-го января мы вам... хотите разом все деньги вам пришлем или как-нибудь по частям, поквартально?» Я говорю: «Лучше поквартально, а то еще израсходуешь их все разом». И вот договорились мы таким образом: на пять тысяч в год, ежеквартально тысяча двести пятьдесят долларов они на мой банковский фонд переводили с 1-го января, я уж не помню какого года, 32-го или 31-го, что-то в этом роде.

Я им сказал тогда, что, знаете, это даже имеет свои, оказывается, хорошие стороны: в пределах пяти тысяч долларов я буду, так сказать, независимым барином по отношению к Kaiser Wilhelm Gesellschaft 'у. Мне платит на науку Kaiser Wilhelm Gesellschaft. Так? Я могу с ними поругаться, скажем, послать их к чертовой бабушке. Так? Они могут обидеться и постараться сократить мне количество денег на науку. А мне наплевать. У меня вот рокфеллеровские доллары тогда есть. Они говорят: «Правильно. Вот так это и надо делать. Для того, чтобы чиновников держать в аккурате». Вот так это просто делается. Чайку выпили — пять тысяч долларов.

В.Д.: И что же вы на эти пять тысяч сделали?

Н.Т.-Р.: Ничего особенного на них я не делал, а употреблял по мере надобности.

В.Д.: Просто дотация.

Н.Т.-Р.: Ну, да. У меня увеличился на пять тысяч долларов годичный мой бюджет.

В.Д.: Но там у вас было в марках... миллионыкакие-то?

Н.Т.-Р.: Да нет, какие миллионы! Марки были... доллар стоил четыре марки.

В.Д.: А ваш бюджет... какой процент, меня интересует?

Н.Т.-Р.: Ежели в долларах, я в год получал примерно двадцать пять — тридцать тысяч долларов.

В.Д.: Угу. А тут, значит... на пятую или на шестую часть увеличилось.

Н.Т.-Р.: Да, да, да...

В.Д.: Понятно.

Н.Т.-Р.: Вот. Так что все было очень хорошо и мило. И вот. Вернемся на первое, как говаривал протопоп Аввакум, а именно, к трепу, к семинарам. Значит, еще раз повторяю. Основные три проблемы я уже перечислял. Мы эти основные три проблемы там дальше и развивали. Но начали сами немножко расти и разъезжать. (*Видя, что Дувакин волнуется по какому-то поводу, спрашивает его*) Что?

В.Д.: Нет, просто, когда вы стучите...

М.Р.: Ничего, все нормально.

Н.Т.-Р.: Ничего. Я стук слушал в прошлый раз.

М.Р.: Очень приятный аккомпанемент, да?

Н.Т.-Р.: Да это чуть-чуть, чуть слышно.

В.Д.: Может быть, микрофон на стул поставить?

М.Р.: Зачем?

Н.Т.-Р.: Да, ничего не делается. Все в порядке. Так вот.

М.Р.: Вернемся к трепу.

Новые сотрудники

Н.Т.-Р.: Да, к трепу. Значит, так как мы стали расти, стали у меня появляться, понемножку... я сотрудников, так же, как и здесь потом, брал с большим отбором. Никогда не брал, когда мне сверху кого-нибудь присылали и просили: «Вот, возьмите, ради бога. Мы можем даже (из Kaiser Wilhelm Gesellschaft бывало так, что из президиума), говорят, мы вам можем подбросить несколько тысяч, только возьмите, симпатичный там человек или иногда человечка». Я не брал никогда присылаемых мне. Я говорю: «Пусть волонтером поработает... сперва появится поговорить, а потом волонтером поработает. Я посмотрю, что он представляет из себя. И ежели подходящий для нас — возьму, а не подходящий — не возьму.

В.Д.: Ну вот, у меня тоже три года работала волонтером.

Н.Т.-Р.: Кто? Марина?

В.Д.: Да.

Н.Т.-Р.: А теперь сколько вы ей платите?

В.Д. (смеется): Немножко.

Н.Т.-Р.: Ну сколько? Или вам совестно сказать?

В.Д.: Сто двадцать.

Н.Т.-Р.: Ну, все-таки сто двадцать. Все-таки, значит, младшего научного ставка? Ну вот, появлялись, действительно, интересные люди. Кроме того. Набиралось много бесплатных работников.

В.Д.: Тоже!

Н.Т.-Р.: Дело в том, что, во-первых, приезжали иностранцы различные на разные сроки. Приезжали англичане, французы у меня работали, и скандинавцы разные, даже американцы. Их я с разбором брал, потому что народ дикий все-таки, туземцы американские. Ну, их к черту! Американцы — это не англичане. Англичан я очень люблю и уважаю. А американцы — это туземцы. Вот. А кроме того у них не разберешь. Все они называются американцы, а это либо евреи, либо мексиканцы (смеется). Не разберешься. Канадцы симпатичные бывали.

Летом на Балтийском море. В верхнем ряду слева: 2-й О.А. Цингер, 3-й Н.В. Тимофеев-Ресовский, 6-я Е.А. Тимофеева-Ресовская. Ареншлоп, 1931

И затем много братушек стало появляться. Как услышали, что в Бухе, значит, практически русская лаборатория... у нас в лаборатории-то язык вроде основной-то... государственным языком был русский язык, конечно, но пользовались и немецким, и английским, и французским, и всякими языками. Так вот, появились у меня: один болгарин, из Югославии два русских... С одним из них мы и сейчас дружим, переписываемся, оставил его в наследство своему другу Штуббе, такой Игорь Сергеевич Гребенчиков, прекрасный поэт. Брат его тут сейчас уже, а он побоялся, значит, приезжать, и хорошо

сделал.

В.Д.: Вот этого брата я записывать буду скоро.

Н.Т.-Р.: Олег?

М.Р.: Да, Олег.

В.Д.: Олег Сергеевич?

Н.Т.-Р.: Да, ну, вот это ботаник, очень хороший ботаник.

В.Д.: Умный человек?

Н.Т.-Р.: Умный человек, очень добропорядочный человек и всякая такая штука. Вот. А его брат, Игорь Сергеевич, вот у меня появился.

В.Д.: И сейчас в Югославии?

Н.Т.-Р.: Нет, не в Югославии. Он в Германии, в Восточной, у Штуббе, в Гатерслебене, так и остался у Штуббе, сейчас, может, уже даже вышел на пенсию. Он младше меня, конечно, но все-таки ему, по-моему, шестьдесят пять должно уже быть или, во всяком случае, под шестьдесят пять, за шестьдесят, во всяком случае. Вот. И в связи с этим делался все интереснее и интереснее наш треп, семинар наш буховский, собственно... буховские субботы, так называлось. По субботам обыкновенно приезжали из Берлина, из всяких других городов люди, и появилось в нашем буховском трепе несколько, действительно, очень интересных людей, главным образом из начавшей тогда особенно процветать новой теоретической физики.

Буховские субботы

С конца 20-х годов формировалась квантовая механика и формировывалась постепенно новая физическая картина мира взамен старой, наивной такой физической картины мира, старой, детерминистской и основанной, в общем, на лапласовом детерминизме, мировой формуле знаменитой. Но тут появилась современная... начала формироваться современная физика.

Оказалось, что, в сущности, никакой мировой формулы нету и что причинность работает не так, как раньше представляли себе, что она работает. Причинность оказалась вероятностной в своей основе, а не детерминистской. Это все вошло в наш буховский треп помаленьку.

Очень интересные люди появились. В начале 30-х годов я сдружился и, так сказать, втянул в наши работы вот Макса Дельбрюка, теперешнего американского академика и нобелевского лауреата. Он был чистый теоретический физик, ученик Макса Борна и Нильса Бора. Я его, так сказать, в сущности, переманил, соблазнил в биологию в теоретическую. Он сейчас очень крупный вирусолог и теоретический биолог, в Америке, нобелевский лауреат, вообще, очень замечательный человек. Тогда был молодой человек, и как все крупные теоретики смолоду немножко нагловат. Но это ничего. Мы с ним тоже нагло обращались, так что он обтесался очень быстро у нас и стал вполне приемлемым молодым человеком.

В.Д.: Значит, у вас основной средний состав руководящих ученых был от тридцати до сорока, да?

Н.Т.-Р.: Когда? Когда им было двадцать, так им было двадцать. Когда им стало сорок...

В.Д.: Ну, когда они стали руководящими уже, ведущими.

Н.Т.-Р.: Кто руководящий? Руководящий я был. А мне тогда было...

В.Д.: Тридцать четыре года.

Н.Т.-Р.: Да, тридцать четыре. Смотря в каком году. В 30-м году мне был тридцать один год. Началось все это у нас так, ну, с 29-го года: Бух укрепился, весь институт в Бух переехал, мои лаборатории функционировали, расширился мой отдел, то есть, собственно, отдел формально с 29-го года у меня, а то была лаборатория. А сформировался отдел генетики и биофизики. И вот это не руководящие люди были, а гости наши. Дельбрюку я ни гроша не платил. У меня был свой физик, так сказать, платный, сотрудник моего отдела, Циммер такой. Он сейчас директор в Карлсруэ немецкого, значит, ядерного института, навряд Курчатова нашего. Вот. Это тоже мой ученик и сотрудник. Он как кончил университет, так ко мне и попал. Причем очень замечательно: Дельбрюк и Циммер примерно одновременно кончили институт. Циммер — экспериментальный физик, Дельбрюк — теоретический физик. Дельбрюк провалился по теоретической физике, а Циммер по экспериментальной физике провалился. Каждый провалился на выпускных экзаменах, значит, по своей специальности, собственно. Циммер великолепно сдал теоретическую физику, а Дельбрюк экспериментальную, хотя к экспериментальной физике, как настоящего теоретика, его и близко не подпускали, потому что, когда близко подпускают теоретиков к аппаратуре, особенно дорогой, то она ломается почему-то. И это дорого стоит вообще, и муторно потом чинить.

Карл Циммер

В.Д.: В общем, вы принимали и совершенно зеленых юнцов и принимали как хозяин гостей крупных иностранных ученых, лишь бы это были талантливые люди.

Н.Т.-Р.: Да, и лишь бы это было для нас занятно. Вот. Так же как и во всех своих кружках прилабораторных, я обращал внимание не только на специальные интересы, но все люди, которые в наш буховский кружок, в наши буховские субботы вовлекались, обыкновенно обладали и какими-либо художественными интересами: либо музыкальными, либо живописью увлекались...

В.Д.: Даже так!

Н.Т.-Р.: ...либо литературой, поэзией, всякой такой штукой, иногда кое-какими философическими интересами. Почти все мы страдали кое-какими философическими интересами, понимая под этим не классическую гнусологию, потому что, с нашей точки зрения (гнусологией мы называем гнусологию, теорию познания), она, в сущности уже, по сути дела, давно не существует, а заменена общей методикой естествознания, математической логикой, алгеброй понятий — вот этими вещами, в сущности, заменена.

”

А настоящей философией является, конечно, онтология, в основном религиозная философия. Остальное все — чушь собачья, трепатология ненужная. Потому что нам, естественникам, конечно, очень смешно бывает читать всяких вашего брата гуманитариев, вообще всяких, а философов тем более.

Читаешь-читаешь, они все что-то пишут-пишут, темно, непонятно, путано, ни одно понятие чистенько не сформулировано, полное столпотворение вавилонское. Одним словом, грусть и тоска безысходная. И никому это ни на какого хрена не нужно. Вот. Когда-то в молодости я прогрыз все три тома «Пролегоменов к чистой логике» Гуссерля и убедился, что собачья чушь. Уже в те времена Раушенбах, такой математик немецкий, все это в брошюрке изложил «Логические...» Нет! «Общие основы математической логики». А тут три таких тома «Пролегомены к чистой логике». Вы читали когда-нибудь это?

В.Д.: Нет.

Н.Т.-Р.: И не читайте.

В.Д. (усмехается): Это мне теперь не угрожает.

Н.Т.-Р.: Вот. Когда я... я в молодости успел прочесть и Юма. Но когда мне попался Юм, после Канта, я ругался: «Господи, боже мой! Англичанин Юм в таком виде написал все существенное, что у Канта в таком виде есть. Понимаете? Прочтя Юма, можно Канта не читать свободно. Хотя Кант умный был. Литовский философ знаменитый, Манолис Кантис.

В.Д.: Могилка-то в Кенигсберге.

Н.Т.-Р.: Да. Говорят, в безобразном состоянии.

В.Д.: В безобразном, сам видел, я там был десять лет назад, очень в безобразном состоянии. Ну, теперь, может, привели в порядок, я не знаю, не ручаюсь.

Н.Т.-Р.: Вот. Тут началось обрастание наших буховских субботников всякими интересными людьми. Во-первых, немножко, так сказать частично, иногда мы объединялись по субботам днем у Сережки Жарова, жаровские — это казаки донские, хор заграничный донских казаков Сергея Жарова. Я вам не запускал их, нет?

М.Р.: Нет.

В.Д.: А! Они выступали даже во время войны.

Н.Т.-Р.: Нет, они не выступали никогда здесь.

В.Д.: Не здесь. По радио их иногда запускали.

Н.Т.-Р.: Ну, я не знаю.

В.Д.: И это, вообще, нельзя было слушать, заграничное радио нельзя было слушать, но мне один раз довелось слышать, и мне это очень понравилось.

Н.Т.-Р.: Ну да, вы подслушали заграничное радио. Так не говорите, что «у нас тут» (*Дувакин смеется*). Незаконно слушали во время войны загармоничное радио.

В.Д.: Да, даже не у себя. У меня знакомые...

Н.Т.-Р.: Хотя вам нужно было даже сдать свой радиоприемник.

Н.Т.-Р.: У меня-то не было вообще его.

Н.Т.-Р.: А! (*с усмешкой*) Ну, тогда вы были совершенно лояльный гражданин и могли спокойно слушать у друзей радио и заботиться только о том, чтобы в это время как раз к вашим друзьям не нагрел в штатском кто-нибудь. Вот.

А у Жарова была замечательная манера. Они, вообще-то, по всему миру разъезжали, но, так сказать, основная штаб-квартира у них была в Берлине с 23-го года и до начала 39-го, когда они смылись в Канаду, так как в Европе запахло войной. Так вот.

В.Д.: А, тогда, может, то, что я вспомнил, и не то. Казачий хор, но, может быть, не тот. Может, тогда из Канады передавали, я не знаю. В Канаде-то они продолжали выступать?

Н.Т.-Р.: Да они по всему миру выступали, который не был занят немцами.

В.Д.: Я слышал, действительно, во время войны, во время войны.

Н.Т.-Р.: Ну вот, наверное, по «Би-би-си».

В.Д.: Может быть, может быть.

Н.Т.-Р.: Так вот. Это замечательный был хор. Это, вообще, лучший хор. У нас хоровое пение почему-то почти совсем погубило, у нас. Вот я на днях слушал опять этот Александровский хор — это такая гадость! Во-первых, с сопровождением этим самым, гармошечным каким-то, черт его знает, затем ни одной октавы. Вообще, техника хоровая куда-то исчезла совершенно. Народу двести пятьдесят человек, громкости сколько угодно, а звучности никакой. Черт знает что! А у Сережки Жарова тридцать мужиков — и хор совершенно изумительный. Я потом вам сыграю, ежели... хотя, может, у меня его взяли для записи на магнитофон. Пластинки, потому что одну пластинку я уже больше тысячи раз проиграл — очень она испортилась. А другую недавно получил: прощальный концерт, последний. Очень замечательный человек, этот Сережка Жаров.

В.Д.: Так он был и среди ваших гостей Буха, да?

Н.Т.-Р.: Да. Он наш друг был. Но я говорю, иногда мы... У него был свой субботник — коллоквиум. По субботам днем у него в квартире... у него в Берлине была небольшая квартирка, что-то четыре-пять комнат, но одна очень большая зала. Они вдвоем с женой были, так что им много не надо было. Это по-заграничному-то четыре комнатки для двоих — это небольшая скромная квартирка считается. У нас две комнатки для шести человек... А чтоб для двух человек четыре-пять комнат — такого не бывает. Ну, бывает, у нас все бывает, но не для нас. Вот.

И там в то время, когда они были как раз в Берлине, на месте, они так в год в общей сложности месяца три проводили в Берлине и в Германии. А, значит, остальное, месяцев восемь-девять, проводили в прочем мире, включая Новую Зеландию. Так вот, у них происходил каждую субботу днем коллоквиум. Это был замечательный хор. Это люди все были образованные, интеллигентные, все донские казаки, только донские казаки. Иногда они сами делали, и Сережка Жаров иногда делал специально музыкальные какие-нибудь, хоровые...

В.Д.: Это в основном были народные песни казацкие, да?

Н.Т.-Р.: Все там было.

В.Д.: Все было?

Н.Т.-Р.: Все было. Но все в аранжировке Жарова. Он один из немногих был, который аранжировать мог все, что угодно,

в ладах, а не в мажоре и миноре, значит, в старинных ладах, знал гласы, знал каноны. Русские песни, казацкие песни, солдатские песни, церковные песнопения и затем всякая мура: романсы в хоровом переложении, вот «Черные очи», как они пели, черти, «Черные очи». «Очи черные» — это ужас!

Потом всякие проезжающие русские люди через Берлин. Докладывали часто с иллюстрациями всякие музыканты: Рахманинов, Стравинский, Гречанинов, бывая в Берлине, всегда бывали у Сережки Жарова и делали доклады с иллюстрациями. Такой музыковед Рудольф Васильевич Энгель¹ (я до сих пор помню) три доклада сделал, три субботы подряд, о русском колокольном звоне и производстве колоколов. Во! Затем писатели, Бунин выступал, Борис Зайцев, Куприн, по-моему, раз приезжал в Берлин.

¹ Имеется в виду Роберт Васильевич Фабер, музыкальный критик, печатавшийся под псевдонимом Роберт Энгель.

В.Д.: А Бунин с чем выступал?

Н.Т.-Р.: Читал свои мелкие рассказы, супермелкие рассказы, целый <нрзб> у него был в 30-е годы: одна страничка, полторы странички, были даже по полстранички печатной. Вот. Иногда из Советской России появлялся кто-нибудь случайно. Но это все прекратилось в 30-м году, совершенно прекратилось. До 30-го... вот Держинская была, по-моему, Василий Родионович Петров, бас замечательный, еще кто-то. По-моему, Держинская, Петров, Богданович и еще кто-то, и Ершов ездили в Париж через Берлин.

В.Д.: Какой Ершов?

Н.Т.-Р.: Тенор.

В.Д.: А, а то был еще сказочник.

Н.Т.-Р.: Нет (*возмущенно*), Ершов — знаменитый драматический тенор. Ершов Гришку Кутерьму совершенно гениально пел. Вот они все проезжали через Берлин в Париж, в Париже ставили «Китеж»². Держинская Февронию пела, деву Февронию, Василий Родионович князя Юрия, Богданович — княжича Всеволода, а Ершов — Кутерьму. Вот. Так что масса интересных людей. Я там первый доклад делал об этой самой боровской копенгагентской современной, так сказать, общей методологии естествознания. Этот принцип дуалитета и всякие такие штучки появившиеся имеют очень большое общее значение. К тому же первый доклад делал о популяционной генетике, о вызывании мутаций и еще о чем-то... о том, как мы в революционные годы помогли Грабарю реставрировать какие-то фрески во Владимире³.

² Представление оперы Н.А.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» состоялось в Париже в 1926 г. с привлечением солистов труппы Большого театра.

³ Фреска XII в. с изображением трубящих ангелов Дмитриевского собора во Владимире была расчищена 7–8 сентября 1918 г. реставратором Г.О. Чириковым под наблюдением председателя Комиссии по сохранению и раскрытию памятников живописи И.Э. Грабаря (см.: Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 72).

В.Д.: А вы чем помогли?

Н.Т.-Р.: Руками, конечно, чем же? Не ногами же.

В.Д.: Это в дореволюционное время?

Н.Т.-Р.: Нет, как раз в послереволюционное время.

В.Д.: Вы-то делали доклад о том, как вы помогли...

Н.Т.-Р.: Грабарю.

В.Д.: ...фрески реставрировать?

Н.Т.-Р.: Да. В 18-м, по-моему, или в 19-м, между какими-то военными приключениями. Вот как раз мы расчищали там этих самых трубящих ангелов в Дмитриевском соборе во Владимире. Одним словом, был тоже очень интересный коллоквиум у Сережки Жарова, по совершенно другой линии.

В.Д.: Это параллельно, ваш коллоквиум и коллоквиум?..

Н.Т.-Р.: Были совершенно независимые коллоквиумы, но так как мы с Жаровыми дружили, то иногда кого-нибудь из того коллоквиума мы затягивали в Бух, а иногда кто-нибудь из нас там что-нибудь выкомаривал. Был кроссингвер такой. Ясно, Марин? Ясно?

В.Д.: Ясно, ясно.

Боровский круг

Н.Т.-Р.: Вот. И помаленьку налаживались у нас связи и, так сказать внешние. Мы с Дельбрюком (по-моему, в начале 30-х годов началось это) стали ездить в Копенгаген к Нильсу Бору. Нильсушка Бор о-о-очень интересный человек был. Ну, это, конечно, был самый умный человек XX века.

И до сих пор никого умнее его и крупнее нету. Это очень крупный человек, очень умный человек, очень замечательный человек, это просто человек исключительный по добропорядочности во всех отношениях. Это добротный человек во всех смыслах — Нильс Бор.

И у Бора с конца 20-х годов (начала я не застал, еще тогда не был туда вхож) в Копенгагене, в его теоретическом институте происходили, по мере надобности, обыкновенно раза два в год, изредка три раза в год собирались все крупные теоретики со всего мира потреться. Это назывался Bohr's Kreis, кружок, или круг боровский, так на недельку примерно приезжали. Причем туда не приезжали, кто хотел, это была совершенно неофициальная, приватная затея, так же как и все мои кружки всегда были приватными затеями: кого я пригласил — ладно, а кого не приглашал — вот тебе, выкуси! Так ведь и надо. И у Бора так же было.

В.Д.: То есть никаких билетов?

Н.Т.-Р.: Никаких, да, ни билетов, ничего официального. А помаленьку сформировался дружеский круг, в который новые люди втягивались вот этими старыми друзьями.

В.Д.: Ну сколько примерно народу собиралось?

Н.Т.-Р.: По-разному: от пятнадцати до двадцати пяти, со всего мира.

В.Д.: Со всего мира? Отбор.

Н.Т.-Р.: Да. Ну, больше-то интересных людей и не было.

В.Д.: И вы несколько раз были? Многократно?

Н.Т.-Р.: Вот с 33-го что ли года более-менее постоянно бывал на всех этих... Несколько раз у Бора и жил в его дворце знаменитом.

В.Д.: У вас по этому вопросу не бывал такой Данин, по поводу Нильса Бора?

Н.Т.-Р.: Да, господи, Даньку Данина я прекрасно знаю, это друг мой.

В.Д.: Я его тоже с семнадцати лет знаю.

Н.Т.-Р.: Он физик бывший.

В.Д.: Физик и публицист теперь.

Н.Т.-Р.: Ну, теперь... Он попал на войну из университета. А он ученик Игоря Евгеньевича Тамма был, теоретик.

В.Д.: Данька Плотке или Даня-журналист. Фамилия его Плотке.

Н.Т.-Р.: Да, и прямо из университета попал на войну. Там провоевал в меру, до каких-то офицерских чинов дослужился и потом попал совершенно случайно в какую-то газету фронтовую. Сперва, кажется, в полковую, потом в дивизионную, а потом в корпусную. И когда уж война кончилась, он был журналистом в какой-то фронтовой газете или армейской.

В.Д.: Значит, вы его знаете?

Н.Т.-Р.: Знаю прекрасно. Это не просто способный человек, а из так называемых научных журналистов единственный более-менее крупный у нас. У него есть одна совершенно замечательная книжка «Неизбежность странного мира».

В.Д.: Знаю. И книжка эта его у меня есть.

Н.Т.-Р.: Эта книжка совершенно исключительного качества. Это крупнейшее, совершенно популярное, каждому человеку доступное изложение основ современной физики и современной физической картины мира. Так как она выпущена... она написана, когда все это еще было у нас под запретом, потому что у нас все это считалось буржуазными выдумками. Хотя в развитии современной физической картины мира крупные советские теоретические физики в конце 20-х — начале 30-х годов принимали участие. Но потом у нас все это прекратили, в конце 30-х годов разогнали всех теоретиков, частью посадили. Потому Данин и озаглавил так странно эту книжку: «Неизбежность странного мира», потому что с точки зрения... да и сейчас с точки зрения среднего человека мир современной физики — странный мир, конечно. Но он неизбежно такой, а не лапласовский мир. Вот. Я от крупных теоретиков знаю, что они в своих популярных лекциях для не физиков-теоретиков, а для инженеров с портфелями и так далее, очень часто пользуются данинской «Неизбежностью странного мира». Там всего во всей книжке в качестве примера приведена одна знаменитая формула Эйнштейна — и все.

В.Д.: Он болеет очень сейчас.

Н.Т.-Р.: Болеет? Я давно его не видел, года полтора.

В.Д.: Год назад очень болел. Сейчас не знаю.

Н.Т.-Р.: А чем болел-то?

В.Д.: Что-то с желудком. В гастрологической клинике он лежал, где я его встретил.

Н.Т.-Р.: Не подхватил ли (это модно сейчас) рак какой-нибудь двенадцатиперстной кишки?

В.Д.: Не знаю. Он меня на пять лет моложе.

Н.Т.-Р.: Да он совсем молодой еще человек. Погодите, разве вы только на пять лет его старше?

В.Д.: Он 14-го года, а я 9-го.

Н.Т.-Р.: Да, он 14-го. Погодите, он даже моложе. Он моложе 14-го.

В.Д.: Нет, нет. Я помню хорошо, когда он пришел в «Бригаду Маяковского». Даня Плотке.

Н.Т.-Р.: Эту его фамилию я не знаю. Я знаю Данин.

В.Д.: А Даниным он стал в результате войны...

Н.Т.-Р.: Он очень хорошую книжку о Резерфорде написал, и он сейчас, по-видимому, закончил про Бора. Она печаталась в «Науке и жизни».

В.Д.: Вот-вот. Вы говорите о Боре, вот я и вспомнил.

Н.Т.-Р.: Но она еще не вышла как книжка, по-моему.

В.Д.: Может быть.

Н.Т.-Р.: А то бы я ее получил. Так вот, этот боровский коллоквиум был, конечно, очень замечательный.

В.Д.: Его выгоняли как космополита.

Н.Т.-Р.: Да. Его и выгнали по космополитической линии. Почему-то это у нас это назывались... раньше говорили просто: «Бей жидов, спасай Россию!» (*Смеется.*) А потом пошли вместо жидов космополиты почему-то. Он очень дружен тоже с другим моим таким литературным приятелем, другом, Даней Граниным. Два Дани: Даня Данин и Даня Гранин. Один московский, другой ленинградский. Гранин очень хороший человек тоже.

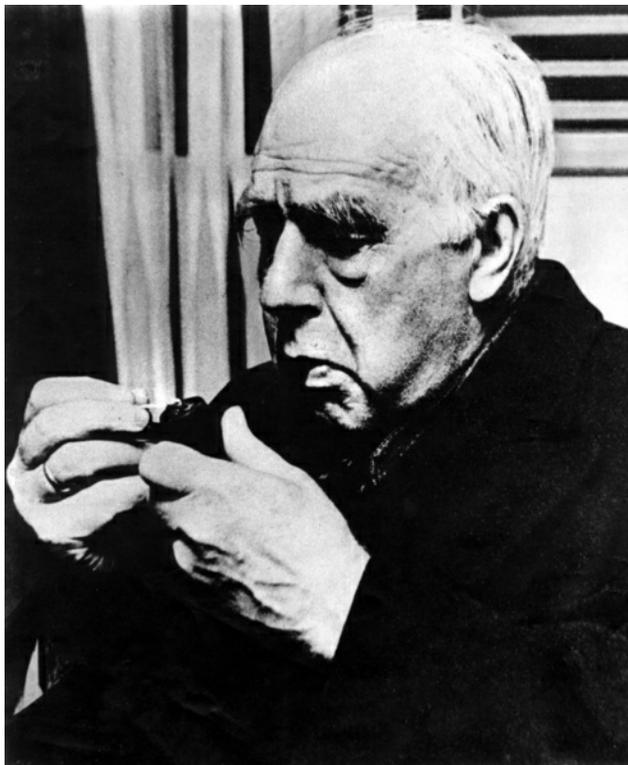
В.Д.: «Искатели» и «Иду на грозу».

Н.Т.-Р.: Да. Ну, это романы его. Есть еще третий, какой-то колхозный, совсем паршивый роман. Романы... вообще, советским писателям следовало бы полицейски запретить писать романы, потому что им не о чем романы писать. Они пишут длинно, скучно и бездарно. Рассказики пусть пишут, повести, на повестях могут учиться писать. Вот. Но у него есть неплохие рассказы, у Гранина, и затем я его очень люблю, это редкий у нас человек.

Эти советские писатели болтаются по заграницам сколько хошь, ездят и вокруг Европы, и в различную Америку, и куда угодно, и, к сожалению, проехавшись в качестве интуриста, значит, по заграницам, пишут об этом какую-нибудь статью, или повестишку, или брошюрку. И обыкновенно читать гнушно, противно: встречаются они все с какими-то, и видят какую-то противную жизнь, буржуазную, капиталистическую и всякую такую, и вспоминают, как все у нас хорошо.

Вот этого у Гранина нет. Он несколько уже таких выпустил очень симпатичных брошюрок о своих заграничных поездках, и всегда он встречается с хорошими людьми, и всегда ему интересно там, и ничего он ни с чем не сравнивает, и не жалеет несчастных этих капиталистов и угнетенных ими рабов, не замечает, чтобы одни другими были так уж угнетены.

В.Д.: Ну, вернемся к Германии, к Нильсу Бору, мы не кончили о Боре. Я, простите, с Даниным вас перебил относительно Бора, очень интересно о Боре было. Действительно, фигура исключительная.

Нильс Бор

Н.Т.-Р.: Бор — это, действительно, исключительная фигура.

В.Д.: Я вот как раз по книжке Данина и знаю, по журналу.

Н.Т.-Р.: По «Науке и жизни».

В.Д.: Да-да.

Н.Т.-Р.: И, так сказать, создала возможность Данину печатать всю книжку по мере изготовления частей в «Науке и жизни» очень милый и хороший человек Рада Никитична, дочка Хруща.

В.Д.: Ах, жена Аджубея?

Н.Т.-Р.: Да. Она биолог, во-первых, во-вторых, она очень хороший и интересный человек. Конечно, своего папашу переспорить по части Лысенки она так и не могла, у них дома бывали постоянные скандалы по этому поводу, но ничего не могла сделать. Но она «Науку и жизнь» привела в...

В.Д.: Хороший журнал.

Н.Т.-Р.: ...приличное состояние. Это сейчас очень хороший журнал.

В.Д.: Она и сейчас работает там?

Н.Т.-Р.: Да-да-да. Она заместитель главного редактора. Главный редактор там дурак дураком и уши холодные, и довольно подонок, говорят. А она буквально за год после... ну, вначале-то было легко: она была хрущевой дочкой, так что ей это было легче, чем нам с вами, скажем, поднять на ноги «Науку и жизнь». Ведь до нее «Наука и жизнь» пала столь низко, что я целый ряд лет ее не выписывал. Отказался. Так же, как до сих пор я не выписываю эту подоночную вашу «Литературку». Когда-то была приличная газета, но потом стала настолько неприлична, что...

В.Д.: Редко была и недолго приличной.

Н.Т.-Р.: Приличной?

В.Д.: Недолго и редкими периодами была. Вот при Смирнове она была приличная.

Н.Т.-Р.: Ну, вот. Приличная она была, так сказать, с середины 50-х до самого начала 60-х годов.

В.Д.: Да-да, это Сергей Смирнов когда был.

Н.Т.-Р.: А я не знаю, кто там был.

В.Д.: Ну, который «Брестская крепость». Он приличный человек, и он там прилично...

М.Р.: Время-то какое было, что вы. Это время было такое, былокое-что приличное.

В.Д.: А потом его сразу убрали. Так. Ну, так о Боре еще хотите чего сказать?

Н.Т.-Р.: Так о Боре я хочу сказать следующее. Часть той проблематики, а именно связанная с мутационным процессом, в основном, с мутационным процессом и проблемой <нрзб> связаны были начавшиеся тогда у некоторых генетиков рассуждения о природе гена. Тут надо сказать, что общий интерес к этой проблеме гена заключается вот в чем: гены, наследственные факторы, несомненно самые занятные и самые существенные элементарные жизненные явления. Это те элементарные составные части, которые образуют то, что сейчас принято называть код наследственной информации, то есть тот какой-то код, который определяет то, что человеческие бабели рожают ребенков, а кобылицы — жеребенков, а мадам раки — маленьких раков и так далее. И что свинья никогда не родит, значит, человека... Хотел сказать «наоборот», но (*смеется*), к сожалению, человеки часто свиной изрядных рожают. Ну вот.

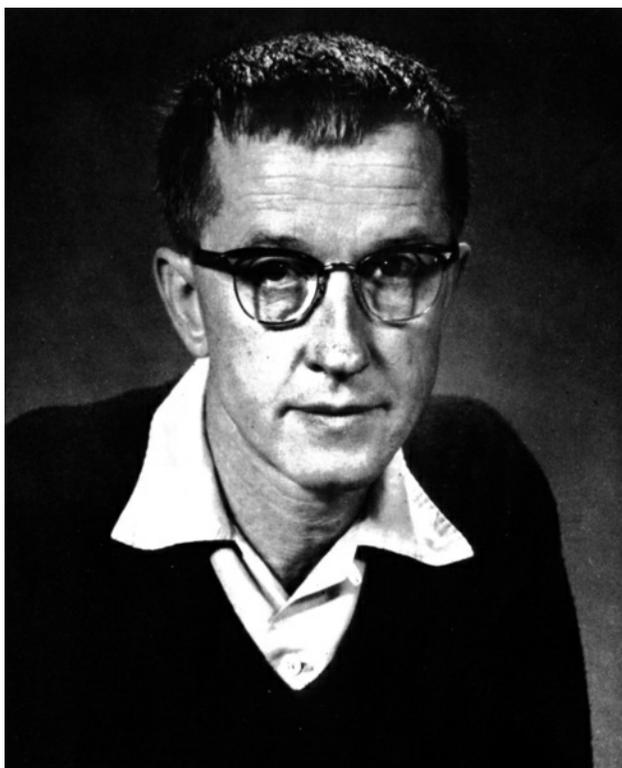
Одним словом, тот код, в котором заложена вся, так сказать, потенциальная структура живого организма. Будущего. И вот, я прошлый раз уже говорил, что Николай Константинович Кольцов, очень замечательный русский экспериментальный зоолог, еще с начала века занялся интереснейшими экспериментальными работами и теоретическими рассуждениями о кое-каких физико-химических процессах, лежащих в основе чисто клеточных жизненных явлений.

Так вот, Бор в плане своих теоретических представлений заинтересовался, так сказать, некоторыми физическими аспектами основ жизненных явлений. Под его влиянием и ряд других крупных теоретиков, физиков-теоретиков заинтересовались кое-какими биологическими проблемами. А, как я говорил, Николай Константинович Кольцов, мой учитель, он еще с начала века заинтересовался рядом физико-химических проблем, связанных с клеткой, с живой клеткой. У него целая серия была экспериментальных работ выпущена на эту тему и целый ряд теоретических представлений он развил. В частности, с 16-го года он развивал представление о гипотетическом физико-химическом строении хромосом, в которых и сидят вот эти самые гены, наследственные факторы, составляющие в сумме код наследственной информации.

Особенно замечательна была его работа 27-го — 28-го года, вышедшая и по-русски в виде доклада на одном из зоологических съездов, и по-немецки в Biologische Zentralblatt, так сказать, ставшая известной повсеместно: Physikalisch-chemische Grundlagen der Biologie называлась эта работа — «Физико-химические основы биологии». Очень интересная работа, в которой была дана теоретическая схема физико-химической структуры хромосом. В 30-е годы, в начале 30-х годов он написал очень интересное теоретическое исследование о физиологической работе генов, о том, как происходит первичное развитие организма под влиянием вот этого кода наследственной информации, тоже с точки зрения, так сказать, физико-химических, в общем, представлений.

И вот в связи с этим я был совершенно готов, в отличие от многих заграничных биологов, к непосредственному восприятию пробудившегося под влиянием Бора у теоретических физиков интереса к биологической проблематике. Вот на этой основе и получился у нас с Нильсушкой Бором стык некий. Значит, я стал посещать... я и Мёллер по разу сделали сообщения о наших представлениях о природе мутаций генов в боровском этом кругу в Копенгагене, принимали мы участие с Дельбрюком

в различных рассуждениях, связанных с боровскими представлениями о значении современных физических гипотез и, так сказать, общих принципов при обсуждении и наметки того, что происходит в живых организмах в биологии.

Макс Дельбрюк

Из этого к концу 30-х годов, к сожалению довольно поздно, родилось еще одно трепатологическое предприятие. Тут нам помогли опять-таки те же рокфеллеровцы: европейское представительство Rockefeller Foundation.

В.Д.: Европейское представительство Рокфеллеровского фонда?

Н.Т.-Р.: Да. Значит, боровский коллоквиум был, в основном, конечно, физический коллоквиум. В боровском кружке копенгагенском строилась, начиная с конца 20-х годов и до самой войны, и развивалась современная теоретическая физика, современная физическая картина мира, основные принципы современной теоретической физики, квантовой теории, релятивистская квантовая теория и так далее. Значит, у господ физиков было своих дел до черта и, конечно, это был физический, а не биологический коллоквиум. А нам, нескольким биологам, в основном генетикам, заинтересовавшимся вот этим промежуточным генетико-физическим уровнем рассуждений, было интересно, конечно, всю потреться, не ограничиваясь временем и, так сказать, не мешая физикам и чтобы физики нам не мешали. И мы решили, в основном, Борис Самойлович Эфруси, тоже когда-то кольцовский ученик (он на год меня, что ли, старше) еще по Университету Шаньявского, потом попавший за границу, живший в Париже и доживший до того, что он стал заместителем директора Institut de biologie physico-chimique в Париже — Института физико-химической биологии. Это тоже такой получастный институт этого... господи, у меня все вытеснило в мозгах <нрзб> еврейский такой знаменитый миллионер.

В.Д.: Еврейский миллионер?

Н.Т.-Р.: Да. Европейский. Не американец, а настоящий человек.

В.Д.: Ротшильд?

Н.Т.-Р.: Ротшильд! Вот! Ротшильд.

В.Д.: Австрийский.

Н.Т.-Р.: Да там не разберешь, какой он еврей, во всяком случае европейский, а не американский, значит, культурный и всякая такая штука. Одним словом, не американец, а Ротшильд. Есть в Париже во Франции такой Fondation Rothschild, нечто вроде...

В.Д.: Ротшильдовский фонд.

Н.Т.-Р.: Да. Там, у американцев, Рокфеллеровский, а там Ротшильдовский фонд. Он работает во Франции и в Англии. Насчет Австрии что-то я не слышал.

В.Д.: Он родился в Австрии.

Н.Т.-Р.: Ну, может быть, родился, половина евреев...

В.Д.: Там теперь уже внук.

Н.Т.-Р.: Да. Я не знал их...

В.Д.: Сам Ротшильд был в начале века. Основатель.

Н.Т.-Р.: Так вот, этот Борис Самойлович Эфрусси, очень замечательный русский человек, биолог, он один из первых культиваторов ткани, занимался культурой ткани, потом перешел на генетику вместе... у меня американец Бидл проработал полтора года, они вместе разработали (то есть выдумал-то это Эфрусси) очень интересный метод трансплантации так называемых имагинальных дисков, эмбриональных зачатков органов у мух дрозофил, от личинки к личинке. Это совершенно замечательное и интересное направление. Это одно из интереснейших направлений фенотипетики, которую я упомянул. Я, значит, работал в области мутационного процесса и теории генов, фенотипетики и популяционной генетики и микроэволюции.

Свои биологические трепы

Так вот, я ввел Бориса Самойловича Эфрусси в боровский круг, и мы с Эфрусси решили, так сказать, нечто свое такое, в основном биологическое, но с привлечением биологически наиболее заинтересованных физиков крупных, затеять, интернациональное тоже такое. Ну, в мировом масштабе. Чего там стесняться-то! Не в уездном же масштабе затевать дела. И поговорили в Париже с этими рокфеллеровскими представителями и они сказали: «С удовольствием». Да, а затруднение было то, что среди физиков теоретические физики самые, конечно, бедные люди, потому что они не инженеры, ничего не изобретают, ничего... денег ниоткуда не зарабатывают, красть им негде и нечего. А мы-то, генетики-то, тоже люди, в общем, нищие среди всяких других, не химики какие-нибудь свинячьи, которые воняют и потом торгуют всякой химической вонью, а люди теоретические. Так? Поэтому у нас лишних денег... и все-таки люди уже взрослые, семейные, дом, жена, дети, корова — все жрать хотят, так что нам разъезжать-то все-таки вроде как бы трудновато.

А идея у нас появилась такая. Так как в Европе стало все больше и больше пахнуть жареным и паленым, подготавливалась война и всякая такая штука, политикой занимались всякие великие державы, политики все были скверные, конечно, одни скверные так, другие сяк. Самые скверные были, значит, в Германии да у нас... уж чего <нрзб>. А были, конечно, в Европе и тихие, смиренные небольшие страны: вот та же Дания, Скандинавские страны, Бельгия, Голландия, маленькие нейтральные страны, кому завоевывать было некого, но вместе с тем они очень не хотели быть завоеванными. Но пока у них было мирно, тихо, жили как-то даже без полиции почти что. Полиция была незаметна, регулировала движение на улицах и ловила жуликов, когда жулики крали что-нибудь. Вот.

И явилась у нас такая идея, очень поддержанная Бором: в Дании, Голландии, Бельгии, в трех маленьких странах, собираться раза два в год, вот так же, как Бор в Копенгагене у себя собирал физиков, собираться лучше всего, приятнее всего... кому первому?.. чуть ли ни Борису Самойловичу Эфрусси первому пришла субгениальная идея: собираться в самом шикарном дорогом курорте вне сезона, когда курорт пустой и в самом лучшем отеле почти задарма можно поселиться. Чем ничего за номер не получать, им лучше хоть за что сдать его. Так? Так вот, вне сезона в дорогих шикарных курортах.

В.Д.: В каком?

Н.Т.-Р.: Да в разных. В Бельгии в Спа, например, в Голландии мы где-то около Эйндрховена нашли хороший курорт, шикарный, в Дании в Кларпенборге, недалеко от Копенгагена, на берегу морском. Так вот, разведали мы. Оказалось, действительно, так как Эфрусси и предполагал: за гроши можно было на недельку сять почти пустой отель. Нас, мы предполагали, будет от пятнадцати до двадцати человек. Так и было, в среднем у нас семнадцать-восемнадцать человек собиралось. Из всех европейских стран, ну, не из всех, а из многих. И нам нужны были денежки, чтобы нам, безденежным людям, значит, приезжать в этот самый шикарный курорт. Там-то, что дома жить, что вне сезона на шикарном курорте — это разницы не составляло. Жрать-то всюду надо. И дома даже жрать надо. А вот приехать, и приехать более или менее комфортабельно — это денег стоит. И вот нам с удовольствием рокфеллеровцы дали: «Сколько нужно, пожалуйста». Опять-таки...

М.Р.: Ротшильдовцы?

Н.Т.-Р.: Не Ротшильд, а Рокфеллер.

М.Р.: Именно рокфеллеровцы?

Н.Т.-Р.: Рокфеллеровцы, зачем Ротшильд? Ротшильд этими делами не занимается. Ротшильда институт этот — Institut de biologie physico-chimique, а мы от рокфеллеровцев деньги-то получили, так же как они мне квиток вручили, так и тут. Кто-то, Хансен, кажется, выписал квиток такой и нам... Значит, это удобнее всего было... в Германии уже валютные всякие трудности и всякое началось, а в Париже, значит...

В.Д.: Еще можно было ездить туда-сюда, да?

Н.Т.-Р.: Ну, ездить-то всегда можно было. С деньгами стало трудно. Из Германии выпускали десять марок, но, правда, в Германии можно было по всему миру билет купить, но денег-то только десять марок можно было вывезить. Ну, вот, поэтому все это на Эфрусси в Париже выписывалось, эти деньги, а он нам всем посылал, значит, на проезд: кому сколько надо. И собрались физики, физико-химики, даже один биохимик настоящий.

Биохимиков ведь очень мало на свете. Те, что у нас называются биохимики — это средней руки органические аналитики — то вообще, никакого отношения к биохимии это не имеет.

Мы с Циммером как-то написали, что, к сожалению, биофизикой называют все те случаи, когда медики и биологи работают со слишком сложной для себя аппаратурой. На самом деле биофизика — это стык элементарных биологических структур и явлений с физико-математической интерпретацией этих структур и явлений. А биохимия — это теоретическая физико-химия биологически активных макромолекул. А вовсе не те случаи, которые были давно еще хорошими немецкими химиками определены так: «Биохимией, к сожалению, часто называют те случаи, когда скверные химики делают грязные и плохие работы на малоподходящем для химии материале». Во!

Так это не биохимия. Так что то, что вы услышите о наших биохимиках — это не биохимики, особенно биохимички. Это ужас! Особенно на Урале. Там ко мне в УФАН приходили девицы, еще не кончившие университет, плановую работу хотят делать. «Вы кто?» (*Имитирует голосок*) «Биохимик». Чертова кукла! Биохимик! Пигалица несчастная! Университет не кончила. Биохимик! Это значит, что она химию знает приблизительно, а биологию вовсе не знает. На кой она мне, черт, нужна, такая пигалица! Я их гнал всех. Я их сразу спрашивал: «Перечислите мне не классы, а типы животных». Ну, то, что в школе, в учебнике: простейшие там, губки, кишечнополостные, плоские черви, круглые черви и так далее вплоть до позвоночных.

И вот начинается у такой пигалицы: «Простейшие» (это почему-то все знают), потом говорят: «Черви». Я тут вполголоса замечаю, что уже лет полтора такого типа нету. Это когда-то были черви, а теперь разные типы есть. «Ну, млекопитающие». Хорош тип! Это класс позвоночных. Да еще некоторые произносили «млекопитающиеся». Я в таких случаях говорю: «Уж? Вы имеете в виду ужей. Ужи очень любят из блюдечка молоко глотать». (*Смеется*.) Тоска безысходная. Гнал я их в шю, этих самых пигалиц, конечно. Так вот. У нас были из Англии... из Англии был замечательный цитолог Дарлингтон.

В.Д.: Кто?

Н.Т.-Р.: Дарлингтон. Это крупный человек. Он жив еще. Он сейчас уже старик. Он, по-моему, моего возраста или даже так на год постарше меня или на два. Вот. Затем, обыкновенно, кто-нибудь, либо Чэдвик, либо Блэкетт — крупные-то атомные физики, старшие ученики Резерфорда. Затем Ли, такой совершенно замечательный, тоже резерфордовский ученик, биофизик, настоящий биофизик. Затем Холдейн, покойник, затем... кто же из Англии-то? Из Франции очень замечательный теоретический и космический физик Пьер Оже, такой есть эффект Оже. Фрэнсис Перрен, теоретический физик, очень крупный, сын знаменитого Жана Перрена, которые перреновские частицы открыл.

Н.В. Тимофеев-Ресовский, Г. Мёллер и С. Дарлингтон во время VII Международного генетического конгресса. Эдинбург, 1939

В.Д.: Фрэнсис Перрен?

Н.Т.-Р.: Фрэнсис Перрен, да. Вот. Затем Рабкин, такой настоящий биохимик, изрусско-литовских евреев, конечно. Он потом драпнул в Канаду и после войны в Канаде очень скоро умер отчего-то, я не знаю. Я потом с ним уж не встречался, очень замечательный человек, очень милый человек, просто душа. Прелесть! Вот. Затем из Франции... ну, конечно сам Борис Самойлович Эфрусси, французский русский. Из Италии Адриано Буццати-Траверсо, мой ученик такой. Он вот был на днях в Москве, в Москву приезжал.

М.Р.: Фотография была, да?

Н.Т.-Р.: Да-да-да, этот самый, Адриано Буццати-Траверсо. Мы с ним встретились, в прошлую субботу он был что ли, или в позапрошлую субботу? Позапрошлую субботу.

М.Р.: Не в эту, а в ту.

Н.Т.-Р.: Да, в позапрошлую, не в эту, не в прошлую, а в позапрошлую. Позавчера — это была еще эта суббота. Так вот, мы с

ним тридцать четыре года не виделись. И увидались теперь. Он какой-то там крупный деятель при ЮНЕСКО, половину жизни в Париже проводит, половину в Риме. Вот. Из Италии больше никого не было. Нет, Амальди был, замечательный теоретический физик.

В.Д.: Как? Амальги?

Н.Т.-Р.: Амальди — «дядя». Вот. Затем из Швеции был Касперсон, совершенно замечательный человек, собственно, такой экспериментальный цитолог. Он открыл, что хромосомы являются нуклеопротеидами, в середине 30-х годов. Затем Густафссон, ботанический генетик, цитолог и селекционер. Затем из Норвегии Отто Луис Мо, или по южно-норвежски <нрзб>, среди вашего брата, всяких гуманитариев, более известен его брат, пожалуй, один из самых знаменитых норвежских художников — Луис Мо. Вот Мунк и Мо — это два на букву «М», два знаменитых норвежских художника. Прекрасные норвежские художники... в Норвегии много хороших художников, но, пожалуй, самые такие известные за пределами Норвегии. Круг еще, Пер Круг. Вот.

И из Германии, значит, был такой замечательный цитолог Ванечка Бауэр, Ханс Бауер, мой друг, Штуббе Ханс, мой друг, ботаник и генетик, селекционер, затем Циммер, мой физик. Дельбрюк уже смотался в Америку. Затем... кто же еще, кто же еще? Да, Бутман такой, нобелевский лауреат, биохимик, настоящий биохимик, а не просто скверный химик, работающий грязно на неподходящем для химии материале. Вот. Вот и все, пожалуй.

Да, из Англии был Астбэри, ныне покойный, замечательный текстильный физик. Это физик-теоретик и специалист по длинным волокнам у мицелл. Он, собственно... его работы в свое время, лет сорок уж теперь, наверное, если не больше, да, почти полвека тому назад, были положены в основу большинства современных методов искусственных волокон всяких.

В.Д.: Это вся ваша синтетика оттуда, да?

Н.Т.-Р.: Да. Синтетика и всякая другая вредная дрянь оттуда и пошла. Сейчас, слава богу, американцы больше всех перетравились и начинают помаленьку запрещать в одном штате за другим, белье особенно всякое синтетическое...

В.Д.: Чулочки и прочее.

Н.Т.-Р.: Чулочки и прочие, значит, подштаннички, все это запрещается теперь, потому что точно выяснилось сейчас, что целый ряд болезней, самых чудных и неприятных возросло резко с распространением вот этой синтетической...

В.Д.: Синтетической одежды.

Н.Т.-Р.: ...одежды. Поэтому, значит, всяческая идет пропаганда повышение площадей под лен, хлопок, всякую такую штуку.

В.Д.: И барашков все-таки тоже содержать.

Н.Т.-Р.: Да, барашки тоже.

В.Д.: Николай Владимирович...

Н.Т.-Р.: Закончу про это. И все это состоялось. Эти наши коллоквиумы мы организовали следующим образом (так, как я все свои кружки и коллоквиумы организовывал): на каждое собрание назначался провокатор, задачей которого было спровоцировать дискуссию.

В.Д.: Докладчик, в общем.

Н.Т.-Р.: Ну, не то что докладчик. Лучше было, ежели он не докладывал ничего длинного, а формулировал какую-нибудь проблему в афористическом и немножко юмористическом, так сказать, смысле и тоне, чтобы было посмешнее да позабористее и чтобы провоцировало дискуссию на эти темы.

Основное правило: никакой звериной серьезности, памятуя, что для серьезного развития серьезных наук нет ничего пагубнее звериной серьезности.

В.Д.: Очень здорово сформулировано.

Н.Т.-Р.: Так это всю жизнь я этой формулировкой пользовался, я же ее и сформулировал когда-то давно. И нужен юмор для наук и некоторая издевка над собой и над науками. Тогда все это может процветать. А ежели со звериной серьезностью, то... Между прочим, у Бора произошел такой случай. Тут как раз в Обнинске вышли две занятных книжечки: «Физики шутят» и второй выпуск был «Физики продолжают шутить», кажется. Там всякие, со всего мира они собрали. Это вышло в конце либерального периода, значит, запущенного Хрущевым.

В.Д.: В начале 60-х?

Н.Т.-Р.: Да, в середине 60-х годов вышли, но затем их всех порасщелкали все-таки. И так как они меня там в предисловии благодарят, я им там помогал собирать всякий материал, то и меня пощелкали тут изрядно за это дело. Так я, в частности, им сообщил эту боровскую историю. Как-то совершенно самостоятельно из Мюнхена приехал к Бору на один из трепов молодой, якобы подающий надежды немецкий теоретический физик, приват-доцент и очень серьезный молодой человек. Ну, все были удивлены, что он без приглашения так явился, назвали его, правильно, наглым немцем. Он все это отсидел и пришел в полный ужас.

А боровские коллоквиумы, они веселые, особенный мастер по тихой издевке — Дирак, а Шредингер, например, может запустить очень злую издевку, издевались часто над самим Бором. Бор тоже умел издеваться, ежели нужно, неплохо. И вообще хохм там было полно. И вот немец после этого коллоквиума подошел к Бору, когда все гуляли в парке институтском, и говорит: «Негг профессор, вот я... конечно, все это очень интересно, но я в совершенном ужасе: ведь

совершенно же у вас несерьезный тон. Издевались даже и над вами, Негг профессор. Что же это такое?» На что Бор запустил один из знаменитых своих афоризмов.

Он сказал: «А знаете, коллега, ведь как-то, вы, наверное, это не ощущаете еще, но ведь у нас в физике сейчас происходят такие замечательные, интересные и важные вещи, что остается только гаерничать, to joke».

Вот.

Ну, у нас тоже, конечно, процветал такой гаернический дух. И очень хорошо прошло и, к сожалению, мы поздно до этого додумались: все это прекратилось в 39-м году. Война. Ведь вы не забывайте: европейская-то война в 39-м году, а не в 41-м началась, на два года раньше. Вот.

И очень хорошо это срабатывало. Мы на всех этих... мы побывали и на датских, и на голландских, и на бельгийских курортах, очень приятно и шикарно, действительно. Совершенно почти пустой, значит, отель, шикарный, практически в полном нашем распоряжении был, мы делали, что хотели, и на каждого из нас приходилось по два холуя обслуживающих всяких, так сказать, которые заботились об нас. Вообще очень замечательно было.

Вот. И, пожалуй, нам на этом на сегодня надо будет кончить.

В.Д.: Николай Владимирович, я не хотел вас перебивать, вы меня простите, но у меня есть вопросы. Конечно, нечего тут оговаривать, что они дилетантские, это будет слишком серьезно. Первый вопрос, не вопрос, а подытоживая: все, что вы перечислили, — это люди, которые собирались по вашему, биологическому так сказать, профилю, в основном, на вот этих курортах?

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: Это с боровскими семинарами в каком?..

Н.Т.-Р.: Да, я забыл сказать, что Бор, когда мог, принимал тоже участие.

В.Д.: Ну и вы, конечно?

Н.Т.-Р.: Ну, конечно.

В.Д.: И вы были организаторами этого дела?

Н.Т.-Р.: Да. Я и Эфрусси.

В.Д.: Вы и Эфрусси были организаторами этого дела, и это было, так сказать, параллельно боровским семинарам?

Н.Т.-Р.: Да. Это было вроде филиала...

В.Д.: Филиала боровских семинаров?

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д. (усмехаясь): Немножко для развлечения, так?

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: Вот. Это ясно. Второй вопрос (я кончу самым серьезным, потому что на второй вы можете ответить в нескольких фразах, может быть): вы в это время 30-х годов о советских делах имели какое-то представление и, в частности, о наступлении, так сказать, биологическом Лысенки?

Н.Т.-Р. (возмущенно): Мы с вами говорили: я был в курсе дел много полнее и лучше, чем жившие здесь биологи. Я неоднократно повторял всем своим друзьям здешним, что вы ведь здесь, кроме своей, значит, площадки на лестнице, ни черта не знали. Да и неоткуда вам было знать, потому что газеты были: «Правда», «Известия» и «Экономическая жизнь». Одно и то же, что положено, там то и писалось. А так люди шептались и не собирались больше чем втроем.

В.Д.: Но узко биологически, в отношении наступления Лысенко?

Н.Т.-Р.: Да всё мы знали! Ведь мы же всей-то мировой прессой располагали, мы все советские газеты читали. Кроме того, я переписывался с многими. Ведь переписка шла частично окольными путями, там через посольства и всякие такие штуки. С 30-го года практически... до 30-го года через нас, в буквальном случае нас — меня с Лелькой, проходили почти все командированные за границу естественники: от математиков и кончая биологами, географами и геологами, потому что все ездили тогда через Берлин.

Это была единственная трасса. Сперва Рига — Берлин, потом Варшава — Берлин, а потом уж из Берлина в разные другие страны. Вот. Так что у нас, ну, буквально не было недели без гостей, советских гостей.

В.Д.: И, в частности, в каком отношении ко всему этому?..

Н.Т.-Р.: Погодите, вот, дослушайте.

В.Д.: Хорошо.

Н.Т.-Р.: В 30-м году почти прекратилось, с 31-го, 32-го года вообще научные командировки за границу прекратились практически, вообще прекратились, абсолютно, не было ни одной. То были ежегодно сотни, сотни были ежегодно, а стало нуль.

В.Д.: Господи! Какой это ущерб!

Н.Т.-Р.: Вот. А потом я Сунгуле работал, я заведовал биофизическим отделом, а химическим отделом заведовал такой, довольно крупный, известный физико-химик Сергей Александрович Вознесенский, который десять лет отсидел. Посажён был в 41-м году за то, что был командирован (*усмехается*) в конце 20-х годов в Германию на три месяца. За это он сидел. Десять лет. Посажён был уже, значит, в 40-м или 41-м году. Вот.

В.Д.: А история с Николаем Ивановичем Вавиловым?

Н.Т.-Р.: Да, Господи! Вавилов, пока выезжал за границу, всегда у нас останавливался. Господи, мы с ним...

В.Д.: Вы его знали?

Н.Т.-Р.: Я с ним дружен был. Он ночевал в моей комнате обыкновенно.

В.Д.: Вы о нем не упоминали, поэтому я и решил напомнить.

Н.Т.-Р.: Я раньше упоминал о Вавилове и Филипченке, о ленинградской группе.

В.Д.: Филипченко — учебник, по которому мы учились. Филипченко тоже истребили потом, нет?

Н.Т.-Р.: Нет, он помер от менингита в 30-м году.

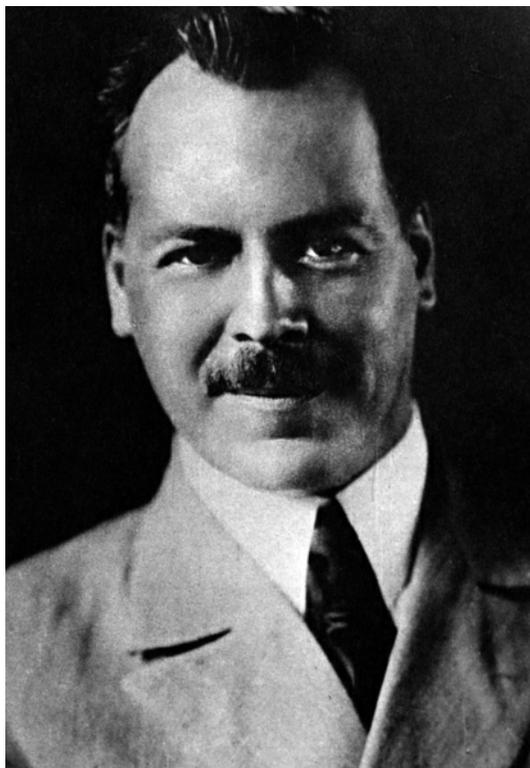
В.Д.: У нас учебник по биологии...

Н.Т.-Р.: Поехал отдыхать на Кавказ, на какой-то курорт и помре. Сидел бы у себя на кафедре в Ленинграде и жил бы себе. А там схватил какой-то менингит.

В.Д.: Так что этапы постепенного наступления на Вавилова...

Н.Т.-Р.: Мы все знали, все знали, все то, что здешние люди не знали.

В.Д.: Мы-то, конечно, ничего не знали. Мы почти до конца войны вообще не знали, жив ли Вавилов или нет.

Николай Иванович Вавилов

Советская статистика

Н.Т.-Р.: Ведь когда Хрущю пришлось разоблачать Сталина в смысле девяти миллиардов пудов и так далее пшеницы и прочее,

это ведь произошло благодаря тому, что (я вам рассказывал, кажется), что английские журналисты из «Таймса» произвели, то есть решили маленькую задачку средних классов средней школы на сложные проценты. Они взяли единственные прочные данные наши по переписи 26-го года (это блестящая была перепись, действительно, замечательная), взяли оттуда посевные площади, урожаи всяких зерновых и зерно-бобовых и всякие штуки и потом проделали такую штуку.

” У нас, как известно, во всех газетах до, собственно, конца 50-х годов — начала 60-х годов приводились всегда только проценты. Потом стали абсолютные цифры приводиться, а теперь, обратите внимание, опять исчезают, опять проценты.

В.Д.: Да.

Н.Т.-Р.: Опять проценты пошли. Это очень подозрительная штука. Вот. Совершенно официальные данные собрали из советских газет. Каждую осень у нас приводились данные, и не на какие-нибудь 0,8 или 1,7%, а на 20, 15, 25% урожаем выше прошлогоднего оказывался. И вот так они за все годы. С 30-го приняли... с 26-го по 30-й ничего не происходило у нас, а с 30-го года из советских газет... вот, значит, 30-й год приняли равным 26-му.

В.Д.: Понятно.

Н.Т.-Р.: Вот. Это старт. А финиш — 54-й. И решили обыкновенную задачку на сложные проценты. Так? Ежели каждый год на столько-то прибывает, то вот сколько оказывается. И оказалось, что к 54-му году Советский Союз одной пшеницы производил столько, сколько во всем мире зерновых хлебов трудно произвести! (*Дувакин смеется*.) Земной шар на это не способен, а Советский Союз производил. И вот в ответ на это пришлось Хрущу все эти капитальные разоблачения, значит, публиковать. И вместо девяти миллиардов — три с половины миллиарда, но и эти три с половиной миллиарда также были взяты с потолка, на соплях, как и девять миллиардов.

В.Д.: Чего это? Тонн?

Н.Т.-Р.: Тонн... Нет, центнеров...

В.Д.: Миллионов или миллиардов?

Н.Т.-Р.: Нет, миллиардов...

В.Д.: Миллиардов центнеров?

Н.Т.-Р.: Пудов, нет, пудов.

В.Д.: Зерна?

Н.Т.-Р.: Да, да-да. Ну вот. Одним словом, ведь в 29-м году посадили Центральное статистическое управление. После революции еще Лениным было создано, пригласил он целый ряд крупных математиков, включая иеромонаха Флоренского, профессора Духовной академии, крупным математиком он был.

В.Д.: А Флоренский статистическим...

Н.Т.-Р.: Он крупный математик был.

В.Д.: Я знаю, но...

Н.Т.-Р.: Он был в ВСНХ главным математиком и от ВСНХ принимал участие в ЦСУ.

В.Д.: Которым ведал Михайловский.

Н.Т.-Р.: А я не знаю.

В.Д.: Такой был крупный статистик.

Н.Т.-Р.: Флоренский не статистик, а математик вихревых движений, но в качестве крупного математика принимал участие. Он один из трех или четырех был крупнейших математиков вихревых движений вот в те времена. Эйнштейн был вторым. А еще какой-то француз... да, и Харди, англичанин. Ну вот, а потом, значит, Сталин посадил всех их, разогнал, и у нас практически ведь никакой статистики всерьез не было. Это продолжается, откровенно говоря, и до сих пор.

” У нас ни партия, ни правительство не знают, что у нас делается, и сколько у нас урожая или неурожая, тоже не знают.

Потому что техника у нас простая вообще: совхозы и колхозы что-то врут райкомам и райисполкомам, те что-то врут обкомам и облисполкомам (*усмеяется*), те что-то республиканским...

В.Д.: И так далее.

Н.Т.-Р.: ...республиканским, значит, и так до всесоюзного уровня. И все это, в общем, мнимые числа. Это очень, конечно, ужасно. И вот я хочу сказать, я вспомнил про это потому, что в последнее наше свидание с Вавиловым... Он последний раз за границей был в...

В.Д.: По-моему, в 39-м году.

Н.Т.-Р.: Да ничего подобного! В 39-м году! В 40-м году его посадили. Он последний раз за границей был в 34-м году. Вот. Уже был Гитлер в Германии. Он через Германию ехал куда-то еще и, я знаю, что он в <нрзб> должен был большой доклад делать. Он у нас остановился накануне доклада. Он написал по-немецки свой доклад. Он всеми языками владел бегло и удивительно неправильно. Я ему еще пробовал что-то там выправить немножко, но это неважно было. Он всех иностранцев, безразлично: министр какой-нибудь или просто так, докторант, похлопывал всегда по плечу и говорил: «Dear boy, the life is hard, but rather short. — Жизнь тяжела, но коротка». Вот. И я вот к чему говорю, что мы с Николаем Ивановичем Вавиловым тогда уже говорили... и он говорил (это его была идея, собственно, я потому и вспомнил этих английских журналистов, потому что приоритет, конечно, за Вавиловым), он говорил, что вот увидите, что когда-нибудь, через несколько лет кончится тем, что какие-нибудь, значит, достаточно умные буржуи возьмут наши газеты и проделают задачку на сложные проценты и покажут, что значат наши достижения: что вся планета не может произвести того, что у нас производят.

(Звучит телефонный звонок. Запись прерывается)

Надо сказать, что Николай Иванович Вавилов говорил, что помяните мое слово, когда-нибудь какие-нибудь журналистики, злые и неглупые, возьмут да решат задачу на сложные проценты: у нас каждый год на столько-то процентов повышаются урожаи, скоро они превысят вообще теоретически возможные для всей планеты (*смеется*).

В.Д.: Значит, Николай Иванович вам рассказывал, что тут делается, насчет травли его в ВИРе?

Н.Т.-Р.: Ну, тогда еще не начиналась. Это он мне не рассказывал, это потом мне передавали.

В.Д.: Как его постепенно выживали из ВИРа. Его, кажется, в 41-м, прямо незадолго до войны?

Н.Т.-Р.: Нет, в 40-м, осенью 40-го года, как раз во время экспедиции.

В.Д.: Экспедиции куда-то на Карпаты.

Н.Т.-Р.: Да-да-да-да, в Карпаты, как раз после присоединения земель всяких Западных Украин и прочего.

В.Д.: Так что вы с ним были в контакте?

Н.Т.-Р.: Да, конечно.

В.Д.: Ну, и третий вопрос. Если вы кончили с этим?

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: И третий вопрос, простите, уж совсем нахальный. Возвращаю вас немножко к началу, вернее, к середине вашего разговора. Вы говорили о том, что вы хотите... что ставили вопрос о соотношении, так сказать, новейшей современной генетики, и о коде информации говорили и так далее, с традиционной дарвиновской теорией эволюции. Но к чему вы пришли, вы не сказали.

Н.Т.-Р.: Так я вообще еще не начинал об этом говорить.

В.Д.: Я думал, что вы тут как-то...

Н.Т.-Р.: Вот в следующий раз надо будет мне закончить эту биофизическую часть: что произошло из контакта наших представлений о теории гена и представлениями теоретических физиков. Вам не попадалась такая книжечка: «Жизнь с точки зрения физика» этого Шредингера, знаменитого физика? Она как раз... перед 48-м годом успели ее перевести, она в 48-м году вышла, русский перевод. Там вот Шредингер высказывает довольно типичную, несколько упрощенную точку зрения крупных теоретиков на всякие биолого-генетические проблемы. Он там исходит, в общем, из наших с Дельбрюком представлений тогдашних. Вот. Значит, в следующий раз можно будет закончить то, что произошло на этих наших трепях.

В.Д.: Какие итоги этих, как вы выражаетесь, трепов?

Н.Т.-Р.: Да-да-да-да-да, какие итоги трепов.

В.Д.: Курортных.

Н.Т.-Р.: Да, курортных трепов. Из этого, вообще, очень много интересного родилось, и за границей, так сказать, это дало такие ростки всюду. Вот. А затем перейти к микроэволюции, так сказать, к синтезу генетики с классическим дарвинизмом.

В.Д.: Вот это у вас в плане дальше?

Н.Т.-Р.: Да, дальше.

В.Д.: Вот я просто почувствовал, что это оборвалось. Но это есть?

Н.Т.-Р.: Да. Это началось экспериментально в 27-м году. Первую экспериментальную популяционно-генетическую работу напечатали мы с Еленой Александровной в 1927 году еще. С тех пор пошло, пошло, пошло, пошло. И последняя появилась вот в прошлом году маленькая наша книжечка, самая дешевая наша книжечка, мы с Яблоковым, то есть Яблокова привлек для техники оформления старого моего доклада «Микроэволюция» в издательстве «Знания». Знаете такие брошюрки?

В.Д.: Знаю, знаю.

Н.Т.-Р.: Гривенник стоит.

В.Д.: Знаю, знаю.

Н.Т.-Р.: Вся микроэволюция за гривенник. Я вам не подарил такую?

В.Д.: Нет.

Н.Т.-Р.: Могу подарить.

В.Д.: Рады будем. Немножко ознакомиться...

Н.Т.-Р.: Только кому? Марине или вам? Кто больше в биологии из вас понимает?

В.Д.: Мы оба понимаем мало.

М.Р. (смеется): Хорошо сказано.

В.Д.: Мы оба понимаем мало, но все-таки у меня какие-то воспоминания есть.

Н.Т.-Р.: Я, в крайнем случае, могу и пару подарить.